

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

*Героиновая
пропасть*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Героиновая пропасть

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Героиновая пропасть / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Взорван автомобиль заместителя министра иностранных дел России. Вскоре убит и он сам. Расследование поручено «важняку» Александру Борисовичу Турецкому. Знакомясь с окружением покойного, следователь обнаруживает причину убийства и выявляет круг лиц, замешанных в преступлении, от авторитета уголовного мира до высокопоставленного государственного чиновника.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фридрих Незнанский

Героиновая пропасть

Глава первая

ПЕРЕПОЛОХ В МИНИСТЕРСТВЕ

ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Взрыв прогремел без четверти восемь. Это зафиксировано точно. Рвануло так, что в подъезде повышибало все стекла и сорвало двери с петель, а от дорогой иномарки представительского класса остался лишь раскуроченный и чадающий черный остов...

Каким-то образом сообщение о взрыве на Кутузовском проспекте успело прозвучать в утренней телевизионной сводке новостей. Но Турецкий телевизор не смотрел и ничего не знал об этом.

В настоящий момент его раздражала единственная мысль – о том, что кто-то с утра пораньше уже пытался прорваться к нему. Назойливые трели телефонного аппарата он отчетливо слышал сквозь запертую дверь своего рабочего кабинета.

Войдя к себе и с неприязнью взглянув на надрывающийся телефон, Турецкий наконец соизволил поднять трубку.

– Саня, срочно зайди!

Утро начиналось до банальности обычно и скучно.

– Мне прекратить беседу с человеком, которого я вызвал специально? Может, мне к черту его послать? – Турецкий накачивал себя, не скрывая раздражения.

Никого перед ним не было, но – человек должен был вот-вот подойти. И не так, чтобы кто-то важный. Обычный свидетель, один из многих. Суть в другом. Вчера Александр Борисович навестил Славку Грязнова, вернулся поздно, точнее, слишком рано, под утро, за что получил грозный втык от Ирины Генриховны и отправлен в «эмиграцию», то бишь на короткий кухонный диванчик, с которого полностью свисают ноги, отчего сон бывает обычно несвежим и прерывистым. И вот теперь именно эти частности складывались в картину общего неприятия жизни в целом, а также в отдельных ее противных аспектах. Но Меркулов был непошибаем.

– Можешь и в самом деле послать его к черту, – спокойно заметил Константин Дмитриевич. – Если он и в самом деле находится сейчас в твоём кабинете. И вообще всех можешь послать. Чтобы затем немедленно явиться ко мне.

Короткие гудки...

Чего это он? Такое вот «срочно зайди» могло означать только одно: очередное чепе. Кого-то убили. Замочили. Шлепнули. Рванули. И не просто «кого-то», а о-го-го кого! В иных ситуациях срочности не наблюдалось бы.

– Тут появится Перехвалин, – сказал Турецкий, выходя, секретарше, – пусть сидит и ждет. Хоть до посинения. Я у Меркулова.

Интересно, кого же? Так думал Турецкий, проходя кривыми коридорами, минуя лестницы и поднимаясь на «хозяйский» этаж, где размещались кабинеты генерального прокурора и некоторых его замов.

Утром жена, естественно, не разговаривала, ибо никак не желала понять, что посиделки со Славкой – это не сплошные пьянки или, не дай бог, какие-нибудь «баб-кроллы», а продолжение все той же проклятой работы, только вынесенной за служебные стены. Известно же, о чем рассуждают мужики! На работе – о бабах, а с бабами исключительно о работе! Ира это знает же, а все равно не верит! Поэтому и не включил по утренней привычке телевизор и све-

жих новостей так и не увидел. А ведь наверняка что-нибудь и случилось. И теперь в кабинете у Кости с утра пораньше сидит какой-нибудь высокопоставленный хмырь и нудит, что дело это чрезвычайное, что оно на личном контроле... и так далее. Все давно и хорошо известно. «А ты, Саня, отложи дела, к которым ты позже вернешься, и займись-ка... поезжай-ка... допроси-ка!»

Вчерашняя усталость накладывалась на мерзкое настроение, и коктейль из этого получался – лучше не надо! Коктейль «Молотов»! Так может рвануть и обжечь, что мало не покажется.

Меркулов находился в своем кабинете в гордом одиночестве. И это была первая странность. Вторая заключалась в последовавшем вопросе:

– Башка болит, что ли? Только не ври, мне уже звонил Грязнов.

– Есть маленько, – сознался Турецкий, садясь.

– Могу на выбор – ношпа, баралгин, пенталгин... Нет, рюмки не дам, – покачал головой Меркулов. – Запах будет, а тебе ехать. Позже, Саня. А ты телевизор, конечно, не смотрел, газеты не читал.

– Не-а, – поморщился Турецкий. – Ладно, давай две таблетки этих, зелененьких, как они?

– Темпалгин, на, – Меркулов достал из ящика письменного стола облатку и протянул Александру. – Вон, боржомчик возьми, – показал на стол в углу кабинета. – Валяй лечись и слушай, а я пока буду рассказывать...

Обычно заместитель министра иностранных дел Егор Андреевич Каманин садился в машину ровно без четверти восемь, чтобы ехать на службу в Министерство иностранных дел на Смоленскую площадь. Об этой его пунктуальности знал водитель представительской «ауди», который возил заместителя министра, знала и консьержка в доме на Кутузовском проспекте, в котором уже более десятка лет проживал Каманин, жена его знала, поскольку за все годы Егор Андреевич ни разу не нарушил своего правила, разве что в исключительных случаях, которые можно было пересчитать по пальцам. И это едва не сыграло с ним злую шутку.

Сегодняшнее утро не предвещало никакой грозы. Ни в прямом, ни в переносном смысле. И Егор Андреевич был готов, как обычно, к выходу из дому. Охранников он не имел, справедливо полагая, что уж если кому-либо и придет в голову устроить на него покушение, так никакая охрана не спасет. Поэтому всякий раз весьма сомнительную роль бодигарда выполнял при заместителе министра его шофер – щупловатый на вид, но достаточно грамотный и в этом деле Володя, прошедший в свое время Афган. А почему сомнительную? Да потому, что не верил во все эти глупости Каманин. И у него были к тому все основания, о которых он, правда, предпочитал не распространяться. Знал – и того достаточно.

Итак, он уже стоял в прихожей своей огромной пятикомнатной квартиры шикарного дома сталинской архитектуры, не сомневаясь, что Володя уже у подъезда. Оставалась малая деталь, привычная, как и постоянная Володина готовность выполнить любой приказ шефа. Шофер должен был сделать по телефону два условных звонка. Ничего говорить не требовалось: в Володиной трубке два длинных гудка, после чего отбой. Здесь, в квартире – два звонка.

Но время шло, а звонков не было. Каманин стал беспокоиться. Он подошел к балконной двери, открыл ее и выглянул во двор: «ауди» стояла там, где ей и положено. А телефон не звонил.

Каманин не то чтобы забеспокоился, нет, он подумал, что телефон просто отчего-то не срабатывает. Взял ближайшую трубку и поднес к уху. В ней раздавались короткие гудки. Черт возьми! Это значило, что кто-то где-то в одной из комнат не положил на место телефонную трубку! Кто?! Он же просил именно в это короткое время никому не трогать телефон, подождать! Неужели эта мелочь так трудна?

И Каманин, сдерживая нарастающий гнев, пошел по всем комнатам, проверяя трубки. И всюду звучали короткие гудки. Это уже напоминало какую-то дьявольщину. И вот наконец

нашлась она, проклятая! Ну конечно! А что еще и можно было бы предположить? Внучка зачем-то именно в полутемной прихожей брала трубку, а опустила неправильно, под рычаг попал телефонный провод. Вроде и лежит на месте, а соединения нет.

Егор Андреевич расхотел ругаться – внучку он любил. А кроме нее и бабушки, то есть супруги Каманина, в этот час в квартире никого не было. Ясное дело, нет тут никакой диверсии. И он положил трубку правильно, проверил: появился длинный гудок. Ну вот, гудок, сейчас позвонит Володя и можно будет спускаться во двор. Но Володя не звонил.

Каманин с новой уже волной раздражения взглянул на часы – было без четверти восемь, и в настоящий момент он должен был войти в машину, кивнуть шоферу и сказать свое обычное: «Все в порядке? Тогда поехали».

Но звонка все не было, и Каманин почему-то решил не дожидаться и выходить к лифту. Он уже обернулся, чтобы крикнуть жене:

– Взгляни на балкон! И если этот олух увидит тебя, покажи, что я уже пошел!

И в этот момент гроыхнуло с такой силой, что оконные стекла со стороны двора зазвенели, словно от взрывной волны разорвавшейся где-то поблизости бомбы.

Каманин и сообразить не успел, как сам оказался у балконной двери, перевесился через высокие перила и увидел...

Нет, такое и во сне увидеть страшно! Прямо под ним огромным факелом, извергающим пламя и черные клубы дыма, пылала его машина.

Вмиг забыв обо всякой опасности и отшвырнув в сторону свой неразлучный старый кожаный портфель с давней серебряной монограммой, Егор Андреевич бегом ринулся вниз по лестнице, не дожидаясь лифта, которой ползал в этом доме тоже по старинке – степенно и со скрипом. Шесть этажей пролетели вмиг, Каманин даже и сам успел, правда, как-то отстраненно, подумать о собственной почти юношеской прыти, и это несмотря на его полувековой с хвостиком возраст.

Стеклянный подъезд первого этажа был разворочен так, будто в него и в самом деле угодил артиллерийский снаряд. Валялась сорванная с петель железная входная дверь. Покорежена вторая дверь в холл подъезда. Под ногами хрустело битое стекло. А весь подъезд заполнял вонючий, удушливый дым с улицы от горевшего автомобиля. На полу ничком лежал водитель Володя, затылок его был в крови, темная лужица была и на полу, возле его лица. Рядом, тормоша лежащего за плечо, на коленях стояла консьержка и в голос причитала:

– Уби-или-и! Ох, уби-или-и-и!..

Наверху хлопали двери, и в холл сбегали жильцы дома, в основном, народ пожилой и перепуганный до смерти. Ничего подобного, сколько помнили себя, в этом доме не случалось, а ведь живут, поди, третий, если не больше, десяток лет! Ну и сразу предположения: кто да за что? Телевизор, слава богу, нынче все смотрят, да и газетки почтывают, знают, чем богата столичная жизнь...

Каманин резко отстранил консьержку от лежащего на полу своего шофера, сам опустился на колени, осторожно приподнял голову Володи, тот застонал. Жив!

– Давай звони в «Скорую»! – приказал Каманин женщине. – Ну, кому говорю! И милицию срочно вызывай!

Та будто очнулась от тяжелого бреда. Вскочила и кинулась в свой закуток, хрустя битым стеклом. Ее окно тоже было напрочь вынесено. Но телефонный аппарат странным образом уцелел. Однако шок у консьержки, видимо, еще не прошел. Она обернулась, посмотрела на Каманина совершенно бессмысленными глазами и растерянно спросила:

– Звонить-то кому-у?..

Народ с этажей прибывал. Каманин увидел и своего соседа, бывшего мидовца, а ныне заслуженного пенсионера. Махнул ему призывно рукой, а когда тот опасливо приблизился, быстро сказал:

– Помоги, Петрович, поддержи парню голову, чтобы не на стекло. А я «Скорую» вызову! С этой нашей курицей, мать ее, только народ хоронить! – и снова выругался от собственной же несдержанности.

Через несколько секунд он уже объяснял дежурному по ноль два, что произошло в доме. И требовал, чтобы немедленно прислали «Скорую»: тут человек погибает, каждая минута дорога.

Но дежурный, узнав адрес, переключил на ближайшее отделение милиции, а новый дежурный стал сперва выяснять, кто звонит и по какой надобности. Ну тут уж Каманин вовсе сорвался с узды.

– Заместитель министра иностранных дел России говорит, твою мать! – просто заорал уже в трубку Каманин. – Немедленно сюда! И «Скорую», чтобы вам всем! Бошки поотрываю, мерзавцы! – Его несло, и он, понимая, что это нервы не выдерживают, что потом стыдно будет, извиняться придется, тем не менее никак не мог остановиться. И орал в трубку до тех пор, пока не услышал лающие звуки приближающейся милицейской сирены.

Но первыми, к их чести, все же прибыли медики. Двое крепких ребят в зеленых халатах живо отстранили посторонних от лежащего водителя, ловко уложили его на носилки и бегом потащили к выходу. В спецавтомобиле их уже ожидала докторша в таком же зеленом халате, которая немедленно занялась Володей. Сделала ему укол и приказала закрыть дверь и не мешать работать.

И вот тут подъехала милиция.

– Кто вызывал? – грозно спросил вышедший из «жигуленка» майор милиции.

– Я, – сердито обернулся к нему Каманин. – Вот мои документы.

Майор резко взял в руки красную ксиву, раскрыл ее, но через миг почтительно возвратил хозяину.

– Прошу прощения, Егор Андреевич, – он даже козырнул от усердия. – Кто пострадавший, не подскажете?

– Мой шофер, – устало сказал Каманин, – Владимир Сергеевич Рожков... А это, – он показал на окутанный клубами дыма развороченный остов машины, – моя бывшая «ауди». Как он уцелел, просто представить себе не могу!..

И вдруг Егор Андреевич подумал, что это ведь очень странно: Володя должен был находиться в машине, когда прогремел взрыв. Он обязан был в этот момент звонить наверх по телефону. Но он не звонил! Телефон же был странным образом отключен – провод на рычаге. И вдруг вовсе не Каткина в том вина? Тогда чья же? И почему взрыв? Кому это все было нужно? И каким образом, наконец, оказался в подъезде, а не в автомобиле Володя Рожков? Черт возьми, голова кругом! Нет, этим ребятишкам из милиции тут, конечно, не разобраться. А беседовать с ними, на что явно настроился этот комодообразный майор, Каманин совсем не собирался. Хотя и понимал, что это необходимо по закону. И он решил положить конец всей этой самодеятельности.

– Значит, так, молодой человек... Как вас? – обратился он к майору.

– Майор Дубакин! – кинул тот ладонь к козырьку. «И фамилия у тебя вполне подходящая», – чуть не сказал Каманин, который не забыл сладострастной улыбочки майора, когда тот вылезал из тесного для него «жигуленка».

– Значит, слушай, майор. Вы тут займитесь пока тушением машины. Но – аккуратно. Потому что я сейчас поднимусь к себе в квартиру и вызову техников из ФСБ, которые приедут и разберутся получше вас. Потом ты мне доложишь, куда отвезут моего водителя Рожкова Владимира Сергеевича и каково его состояние. Одним словом, занимайтесь пока своими необходимыми делами, а взрывом и остальным, связанным с ним, займутся те, кому положено: Федеральная служба безопасности и Генеральная прокуратура. Я пока буду у себя. Моя квартира – девяносто шестая. Только для экстренной надобности, для всего остального я занят. Можешь

еще вот эту нашу консьержку допросить, возможно, она что-нибудь видела. Ее, кажется, Зинаидой зовут. Уточни сам.

И Каманин, заметив, что «Скорая» отъезжает, отправился к себе наверх. Самому в своих мыслях разобраться, успокоить жену, позвонить на службу, чтобы предупредить и наконец выполнить обещанное: связаться с ФСБ и Генпрокуратурой. То, что здесь была попытка покушения, у него не оставалось сомнения.

И опять Егор Андреевич видел перед собой лежащего ничком на полу, среди битого стекла, шофера Володю с окровавленной головой. Это было очень плохо. Чрезвычайно. Но еще хуже... Каманин вдруг подумал, что смерть Володи сняла бы сразу многие проблемы...

Нет, он не был кровожаден до такой степени. И очень, в сущности, неплохо относился к своему шоферу, умевшему выполнять разнообразные, порой довольно деликатные поручения хозяина. Но Егор Андреевич знал, что абсолютной верности не бывает в жизни, а значит не стоит на нее и рассчитывать. Можно крупно ошибиться однажды. Не так посмотреть, обидеть ненароком, а как собеседник отреагирует на твой косой взгляд, да на тот же нервный срыв, в конце концов, неизвестно. Все мы – люди, все – человеки, и у каждого собственная, индивидуальная защитная реакция...

Вот и к этому тоже надо быть готовым.

Каманин поднялся к себе, жестом успокоил супругу, на которой в буквальном смысле лица не было, потом прошел в ванную, где умылся, после чего перешел в свой домашний рабочий кабинет, закрыв дверь поплотнее, попросив жену не беспокоить его, скинул пиджак, сел к столу и взял телефонную трубку.

– Из всего тобой нарисованного, Костя, – сказал Турецкий, к которому постепенно возвращалось так до конца и неистраченное здоровье (и это несмотря на все старания и рискованные попытки!), – я понимаю лишь одно: на замминистра – не бог весть какая шишка! – совершено покушение. А он – эта самая шишка – успел поднять на ноги все службы. Но ведь у нас же просто так сегодня никого не убивают, исключая действия отморожков. Тем более заместителей министров! Вероятно, кому-то это было очень нужно. Он сам не сказал, надеюсь, кому?

– Почему надеешься? – усмехнулся Меркулов.

– А потому, что, если бы он сказал, ты бы мне эту хреновину ни в жисть бы не поручил. Тогда ж тут и делать нечего. Кто-нибудь другой из новых твоих любимчиков успешно бы отличился.

– Не наглей, Саня, – продолжал улыбаться Меркулов. – Он, между прочим, не мне звонил, а генеральному. И указание я для тебя лично получил свыше. Еще рано утром, когда ты в полуразобранном состоянии двигал в сторону работы. Ирина мне, естественно, объяснила причину ее нежелания обсуждать твое поведение, а Вячеслав, тот настоящий друг, он и причины не скрывал, и предугадал следствия. Так что, как видишь, мне совсем не надо было играть в Вольфа Мессинга. Ларчик-то просто открывается, если не сказать – примитивно. Ладно, поболтали, и будет. Ты, я вижу, уже пришел в себя и обрел чувство равновесия. Поэтому для начала предлагаю тебе связаться с технарями из ФСБ и посмотреть, что они раскопали на Кутузовском. Я думаю, что эксперты-взрывники уже закончили там свою работу. Обратишься к Федотову, ты его знаешь. Располагаешь указанием от нашего генерального: все службы максимально облегчают твою работу. Как обычно. Вот такие дела, Саня.

– Еще вопрос можно?

– Давай, только побыстрее, не теряя времени. Меня уже к вечеру наш пригласит на ковер, так что пожайлей старшего товарища.

– Он что, очень важная птица – этот Каманин? Почему такая спешка? Отчего переполох? Его ж все-таки не замочили, а ведь бывают фигуры и покрупче, сам знаешь.

– Почему переполох в МИДе? Как тебе сказать? Ну, во-первых, все же заместитель министра. Во-вторых, сам по себе, на мой лично взгляд, интересная фигура. В восьмидесятых годах был советником нашего посла в Афганистане, и отношение к нему самое разноречивое. Чем вызвано, честно, не знаю. Но, впрочем, это вовсе и не моя, а твоя задача, Александр Борисович, узнавать, выяснять, вычислять и прочее. Словом, почему я тебя должен учить? Ты и так уже большой мальчик.

– Ирония неуместна, Константин Дмитрич, – парировал Турецкий.

Когда Меркулов переходил на имя-отчество, значит, действительно пора завязывать с трепом. Но тем не менее последнее слово Александр хотел оставить за собой. Он поднялся и спросил:

– А при чем тут газеты... телевизор... о которых ты спросил вначале? Разве уже успели раззвонить?

– Нет, разумеется. Это ж случилось всего какие-то три... – Меркулов посмотрел на наручные часы и поправился: – Три с половиной часа назад. Откуда? А вопрос был задан просто для выяснения твоего общего утреннего состояния, способен ты хоть что-то соображать или еще нет. Я ответил? – И Меркулов беспечно ухмыльнулся.

И это тоже в порядке вещей.

Тем не менее голова больше не болела, хотя и особой свежестью в мыслях Александр Борисович тоже не мог бы похвастаться.

Итак, первым делом надо выяснить, кто выезжал на место происшествия, что дал первоначальный осмотр, чем порадуют эксперты-криминалисты и, наконец, что думают по этому поводу пострадавшие. Хотя среди таковых серьезно пострадал один – водитель, который, как сообщили Косте, находится в реанимации Института Склифосовского. И Турецкий для начала решил сделать звонок начальнику МУРа Вячеславу Ивановичу Грязнову, к которому стекались все данные о происшествиях в городе, своему вчерашнему компаньону.

– Привет, генерал. – Фривольные интонации Турецкого должны были означать, что ему известно о «предательстве» лучшего друга. – Ну а твое драгоценное здоровье, значит, не подкачало?

– А-а, Саня! – словно обрадовался Слава. – А я вот сижу и гляжу на аппарат: когда позвонишь? Что ж ты, друг, предупреждать надо!

– Это тебя?! Что я слышу, Грязнов?! Между прочим, постоянное общение со стукачами откладывает серьезный отпечаток на характер опера, не замечал?

Грязнов ядовито рассмеялся:

– Не лезь в бутылку, Саня. Костя, прежде чем поинтересоваться, куда мы вчера запропастились, предупредил, что дело, которое он тебе поручил, серьезнее некоторых амбиций. Я уже в курсе, поэтому бери-ка ноги в руки и кати ко мне. Куда ты без меня денешься?

– А-а, – удовлетворенно протянул Турецкий, – значит, он и тебя запряг? Это меняет дело, как говаривал наш бывший вождь и учитель. Соседи что-нибудь уже нарыли? – Он имел в виду Лубянку.

– Кое-что имеется, приезжай.

Внешний вид генерала милиции никак не говорил о том, что он со своим другом, тоже генералом, но от прокуратуры, иначе говоря, государственным советником юстиции третьего класса Александром Борисовичем, старательно и достаточно стремительно – от одиннадцати вечера до почти трех утра – искажал свой моральный облик, как говаривали в добрые старые времена. Никаких следов ночной борьбы с собственным здоровьем. Турецкий искренне позабавлялся цветущему виду Вячеслава, хотя тот был старше на целых пять лет. Ну, рыжие, когда-то непокорные кудри стали редкими и пегими, да еще погрузнел, вторая так называемая грудь раздалась, отчего пуговицы мундира сходились с трудом.

Но прежним блеском светились хитрые глаза. А вот Александр Борисович, если посмотреть со стороны, в настоящий момент вполне соответствовал бы юмористическому представлению об ожившем вопросительном знаке – такой же длинный и слегка изогнутый в верхней своей части.

– Вот почему, Саня, – встретил Турецкого Грязнов, вмиг оценив внутреннее состояние друга, – я уже давно не хожу замуж. В смысле не женюсь, понял? Никто не помогает мне жить и не следит ревнивым оком за моей нравственностью. Но я – это я, а ты – это ты, со всеми вытекающими. Ты когда ж уехал-то?

– Здравсте! Будем искать вчерашний день?

– Да нет, я все помню. Мы сидели, потом...

– А потом ты заявил: все, иду спать.

– Разве? – удивился Грязнов. – Скажите пожалуйста! Значит, сработала защитная реакция организма. А ты, надо полагать, явился домой и к Ирке полез? Она дала отлуп, и тогда ты, кровно обидевшись ушел в эмиграцию, так?

– И находился в ней до утра, – подтвердил Турецкий.

– А я всегда утверждал, что в эмиграции плохо, – сморщил нос Грязнов. – Но дураки не понимают, думают, им там медом намазано. А там...

– Ноги на пол свисают, – с безысходным выражением на лице покивал Турецкий.

И оба расхохотались. Тема была исчерпана.

– У меня есть тут маленько, – кивнул на сейф Грязнов. – Если очень плохо?..

– Не, – покачал ладонью Александр, – Костя постарался, дал таблетки от головы. А вот кофейку покрепче, это я бы смог.

Грязнов немедленно дал команду секретарше Людмиле Ивановне приготовить пару чашечек, на что получил ответ:

– Вячеслав Иванович, уже несу.

Разговор велся по громкой связи, и Грязнов лишь молча развел руками, а Турецкий изобразил немое восхищение.

– Капнуть? – словно невзначай кивнул Грязнов, когда Людмила Ивановна, кокетливо поведя плечиком в сторону Александра Борисовича, вышла.

– Да капни уж, успокойся! – Турецкий скривился так, будто Вячелав предложил ему яду.

И Грязнов действительно капнул, влил буквально по чайной ложке из коньячной бутылки, которую сразу же вернул в сейф, бурча при этом:

– Можно ж ведь по-человечески... – и тяжело вздохнул от минувших воспоминаний. Затем он вернулся к столу, поднял свою чашку и сказал: – Ну давай... введу тебя в то, что мы имеем. А имеем мы пока следующее...

Незадолго до прихода Турецкого в МУР на имя Грязнова пришел факс из ФСБ. Акт взрывотехнической экспертизы представлял собой две странички, скрепленные степлером.

Александр пробежал его глазами, прихлебывая кофе и кивая при этом. При подрыве автомобиля марки «ауди» номерной знак такой-то, по утверждению эксперта-криминалиста, было использовано самодельное взрывное устройство, состоящее из тротиловой шашки, детонатора и часового механизма. Мощность устройства соответствует тремстам граммам. Найденные на месте взрыва фрагменты деталей указывают на их заводское происхождение, однако сборку производил профессионально грамотный специалист. Фрагмент таймера показал, что взрыв должен был произойти ровно в семь сорок пять.

Само взрывное устройство было заложено под днищем автомобиля, в районе заднего сиденья, справа, и закреплялось с помощью магнита. По заявлению хозяина автомашины, это было именно то место, где он сидит постоянно. И выезжает всегда в одно и то же время.

– Любопытно, Саня, – заметил Грязнов, – что наш потерпевший отказался вообще давать какие-либо показания этому майору из местного отделения. Там рапорт майора приложен,

ты прочтешь. Но дело в том, что, по свидетельству и самого хозяина и по показаниям консержки – это тебе еще предстоит проанализировать, – по нашему Каманину можно часы проверять. Пунктуальный до идиотизма, садится в машину ровно в семь сорок пять, за редчайшими исключениями, ни минутой раньше или позже. Бзик такой, надо понимать. Вот, похоже, именно на этом бзике его и захотели достать. Другими словами, пахнет заказухой. Терпеть этого не могу, – Грязнов даже засопел от возмущения.

– А с чего бы это Каманину в бутылку-то лезть? – удивился Турецкий.

– А хрен его знает. Читай рапорт, там какое-никакое объяснение. А скорее всего, я думаю, это у него от сознания собственной значительности. Майор, понимаешь, прибыл! Ему ж, видать, меньше генерала как-то и не к лицу! Вот мы с тобой – это еще куда ни шло!

– Да ладно, есть закон.

– А-а! – отмахнулся Грязнов.

Покончив с актом экспертизы, Турецкий перешел к рапорту майора милиции Дубакина И. Е. из ОВД «Кутузовское».

Как следовало из него, потерпевший, гражданин Каманин Е. А., категорически отказался дать свои показания ввиду того, что он собирался немедленно лично связаться с руководителями Федеральной службы безопасности РФ и Генеральной прокуратуры. Сам же майор, по его словам, должен был в ближайшие же часы получить конкретное указание из Министерства внутренних дел о том, как ему и в каком порядке предстояло действовать в дальнейшем.

Александр Борисович только головой качал да хмыкал от распивавших его чувств в отношении такого важного гражданина Каманина. Это ж надо такое придумать!

Далее майор указывал в рапорте, что, не желая бесполезно тратить драгоценное время и ввиду того, что водитель сгоревшей машины «ауди» был отправлен в реанимобиле в Институт «Скорой помощи» имени Склифосовского, он допросил в качестве свидетеля гражданку Шишкову З. П., работающую консержкой, то есть дежурной по подъезду в доме, в котором проживает гражданин Каманин.

Протокол допроса прилагается.

Затем майор, опять-таки уже по собственной инициативе, связался с дежурным по городу на Петровке, 38, полковником Полиныным В. В., но тот оказался в курсе дела и приказал майору силами приданного ему экипажа в составе лейтенанта милиции Сурко Н. Г. и сержанта-водителя автомашины «Жигули» Буркина Г. Г. организовать охрану места происшествия до прибытия оперативной группы из Управления ФСБ. В указанное дежурным время оперативная группа, в составе которой находился и эксперт-взрывник, прибыла и приступила к работе. Старший группы полковник ФСБ Ливанов З. Л. сказал, что в дальнейшем присутствии майора Дубинина и его экипажа нет необходимости. После чего майор вернулся в ОВД «Кутузовское», где и составил данный рапорт, приложив также протокол допроса гр-ки Шишковой.

Далее был сам протокол.

После указания паспортных данных Зинаиды Павловны Шишковой и подписи, указывающей на то, что свидетель предупрежден об ответственности за отказ от дачи заведомо ложных показаний в соответствии со статьями 307 и 308 УПК, следовал допрос, произведенный Дубакиным, старшим оперуполномоченным.

«Вопрос. Расскажите подробно об обстоятельствах взрыва.

Ответ. По Егору Андреевичу, так у нас говорят, можно часы проверять. Никогда не опаздывает. Все у него тютелька в тютельку. И сегодня его шофер, мы его знаем, Володю этого, подъехал и стал ожидать. Я уж и на часы свои посмотрела, да так, больше для виду. Вижу, с минуты на минуту лифт заработает.

Вопрос. Во сколько это было?

Ответ. Я ж и говорю, почти в тютельку. Без нескольких минут.

Вопрос. А дальше что было?

Ответ. А дальше Егор Андреевич все чего-то не шел. То есть лифт не шумел, я же слышу. И вот гляжу, мне ж в окно-то все видно, Володя, шофер, значит, выходит вдруг из машины и прямо бегом в подъезд. Я и не открывала ему, у нас, которые проживают, сами все коды дверные знают. Ну а таким, как Егор Андреевич или его супруга Елена Сергеевна, им мы, конечно, отсюда, из своего закутка, и открываем. Ну и вижу, вбегает он, Володя, в холл, а я к нему, чтобы узнать, может, чего случилось? И тут как грохнет! И все кругом полетело! Володя упал. Его, видать, чем-то по голове стукнуло крепко. А меня Бог миловал, только отшвырнуло вон к той стенке и – на пол. Я вскочила, в ушах ничего не слышу, дым кругом, глаза сами плачут. А Володя лежит вот здесь, на полу, на стеклах, без всякого движения, и кровь у него из затылка так и хлещет! Так и хлещет! Фонтаном! Страх-то какой! Господи!..

Вопрос. Я прошу вас излагать только факты. Меньше эмоций. Ну что касается крови, то ее как раз вылилось совсем немного. Это у вас, наверное, от испуга?

Ответ. А как же! Да разве немного? Ой, мать моя, а я-то сослепу да в дыму том вонючем подумала, что... Ой, Царица Небесная! Не дай бог пережить такой страх!

Вопрос. Что было дальше?

Ответ. А дальше, гляжу, Егор Андреевич бегом бежит. И ко мне. «Звони!» – кричит, а куда звонить, не сказал. А тут уже и народ набежал. С этажей. Так Егор Андреевич забрал у меня телефонную трубку и сам, кому нужно, все обсказал. Ох и ругался же он!

Вопрос. Кого конкретно ругал?

Ответ. А я почему знаю! В телефон ругался! Министром грозил. Ну а пока кричал да ругался, тут и доктора прибыли. А следом и вы.

Вопрос. Что еще можете добавить?

Ответ. Так чего ж? Все, как было, я обсказала, а уж ты, милочка, сам пиши, как тебе надо.

Вопрос. Вот как вы говорите, так мне и положено писать. Но меня интересует, почему это вдруг шофер Володя вдруг, буквально за миг до взрыва, выскочил из машины и кинулся в подъезд? Ведь так было? Вы ничего не напутали?

Ответ. Ну а чего мне путать-то? Стара я уже, мил человек, чтоб путать. Это тогда, когда звенело кругом и дым валил, я, может, чего и не запомнила, а сейчас зачем же путать? Сам посуди! Вон и Егор Андреевич... наорал кругом, дак и тебе малость перепало, но и его понять можно, ведь большой начальник, а после ушел к себе. Так ведь и не уехал на свою службу! Тоже понять надо – нервы!

Вопрос. Ладно, на этом мы пока давайте с вами и закончим, Зинаида Павловна, но у меня все никак в голове не укладывается. Он что же, этот ваш Егор Андреевич, получается так, что в первый, что ли, раз в жизни на минутку опоздал и случился взрыв?

Ответ. Почему опоздал? Он же сюда вовсе без портфеля своего прибежал! Не было с ним портфеля. Может, и не хотел ехать, а?

Вопрос. Что ж, получается, он знал об опасности?

Ответ. А уж это дело ты сам, мил человек, думай. На то тебе форму дали и погоны важные.

Вопрос. Последний вопрос. Скорее – уточнение. Шофер Володя действительно бежал? Или вам показалось?

Ответ. В самом деле бежал. Я ж потому и вышла отсюда, чтоб спросить. А кабы не вышла, вчистую прибило бы. Вон как его самого – прямо по затылку. Я ж, говорю, даже и не поняла чем.

Вопрос. Может, вот этой деревянной дверью?

Ответ. Так дверь где сорвало? А он где лежал? То-то...

Вопрос. Может, его отбросило?

Ответ. Может, и отбросило... Мной прочитано. Записано с моих слов, все правильно, в чем подписываюсь. Шишкова Зинаида Павловна».

– Понял, сколько нам информации к размышлению подбросил этот майор Дубакин? Возможно, что и сам того не подозревая... – сказал Грязнов, увидев, что Турецкий с легкой улыбкой отложил в сторону прочитанный протокол допроса, больше напоминавший литературное упражнение досужего милиционера.

– Ага, – кивнул Турецкий. – Я еще вижу, что у нас одаренные кадры подрастают. Но ты, Славка, не прав. Он четко уловил закавыку. Если, конечно, все это не фантазии тетки, которую основательно тряхнуло при взрыве. Она ж и сама утверждает, что долго не могла прийти в себя. Надо бы внимательно поглядеть, чем его все-таки задело, этого водителя... Нет, очень странно, что наших людей там не оказалось. Я имею в виду группу с Петровки.

– Так ведь указание поступило. Я проверил, действительно было сказано так: на происшествие уже выехала оперативная группа Федеральной службы безопасности, поэтому мешать им не надо. Не создавайте сутолоки. Тем более, что практически никто не пострадал. Вот так, Саня, было сказано Васе Полунину. Кем? Удовлетворю любопытство: заместителем нашего министра Захарьиным. Шофер – не в счет. Таким образом нас и отстранили. Ну а самостоятельность Дубакина, что ж, нам она только на руку. Ну, есть еще вопросы?

– Надо ехать туда, посмотреть самому.

– Зачем же тебе одному? Поедем вместе, поглядим. Поговорим с Каманиным. Он нынче на службе так и не появился. Значит, дома отсиживается. Возьмем тепленьким.

– Но отчего же такой переполох?

– А вдруг у него просто желудок слабоват?

– В каком смысле, не понял?

– В самом прямом. Медведя знаешь? Большой зверь! А уж опасный, не дай тебе бог! Но опытные охотники рассказывали, что если его, к примеру, испугать, когда он на тех же овсах жирует, бабахнуть над ним, скажем, то у мишки нашего от испуга жуткий понос начинается. И гадит он жидко до тех пор, пока иной раз не помрет. Представляешь? И это – царь наших лесов! Так вот я и подумал: а вдруг никто на самом деле не собирался убивать Каманина? Просто напугать хотели, чтобы в дальнейшем уже не бояться его, а?

– Занятно. Итак, мы имеем первую версию. Но зачем же ему-то самому было такой переполох поднимать? Ну, пошел в ванную, умылся...

– Сам говоришь, есть многое, чего мы не знаем, – философски переложил по-своему Шекспира Вячеслав Иванович. – Разберемся...

Глава вторая

СПЛОШНЫЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Егора Андреевича бил колотун. Не тот старый, комсомольский еще, чаще всего вызванный вчерашней неумеренной попойкой, о которой если и вспоминалось, то обязательно с теплой, ностальгической улыбкой, а самый настоящий, как правило, возникающий тогда, когда смертельная опасность благополучно тебя миновала. Кажется, что миновала. Вернее, ты сам себя уверяешь в этом, а все тело между тем колотит от странного озноба, хотя кругом сплошная жара и даже ни ветерка...

Он и на работу в министерство не поехал, сославшись на нездоровье. И его прекрасно поняли. Действительно, не каждый день взрывают твою машину, причем заранее зная, что в момент взрыва ты должен плюхнуться на сиденье, под которым и заложена мощная бомба.

Егор Андреевич, едва взглянул на пылающие, развороченные, черные останки своего сверкавшего прежде лаком автомобиля, как внутреннее зрение безо всякого снисхождения представило ему впечатляющую картинку того, что было бы с ним самим, окажись он в данный момент в салоне «ауди». И зрелище это было настолько страшным, что Каманин, вовсе и не считавший себя трусом и повидавший на своем веку, особенно в Афгане, такое, что не всякому доставалось лицезреть, вдруг словно потерял над собой контроль. Отсюда, теперь он понимал, и его грубость, и жуткая матерщина, явившаяся невесть из каких глубин, и абсолютная растерянность перед свершившимся фактом, и все остальное, за что ему теперь было стыдно и вообще безумно неприятно.

С отвращением к себе, граничащим с отчаянием, вспоминал он о своем совершенно недопустимом для дипломата высшего ранга тоне, которым он разговаривал с зампредом ФСБ, с министром внутренних дел, с генеральным прокурором. Нет, это и разговором-то назвать было нельзя, это была сплошная истерика. Ах, как стыдно!..

Оставалось думать лишь о том, что вышеозначенные государственные лица, облеченные высокими полномочиями, смогли понять его состояние и не судили строго. Но все равно нехорошо.

Откричавшись и откомандовавшись, Егор Андреевич рухнул в кресло, чувствуя, что у него прямо-таки раскалывается башка. Елена Сергеевна, супруга, немедленно принесла ему таблетки «от головы», а затем сделала холодный компресс из мокрого полотенца. Вода из махровой ткани тоненькими струйками сбегала по щекам, и могло показаться, что этот упитанный и ухоженный пожилой человек по-детски обиженно плачет.

Но Каманин даже и не собирался плакать. Именно теперь, когда отошла на второй план опасность и стресс ослабил свою хватку, он обрел способность тщательно обдумать самый главный для себя вопрос: кому это было нужно? *Qui prodest* – говоря по-латыни, кому выгодно? Кви продэст?

Вопрос был тем более нелегким, что он с ходу мог бы назвать добрый десяток имен людей, с которыми его профессиональная деятельность была связана более чем тесно. Однако это совсем не значило, будто каждый из этих десяти человек захотел бы, говоря современным языком, лишенным этических оттенков, заказать его. Но ведь так оно и случилось! И значит, он был, этот заказчик! Кто?..

Время шло, а он, отдыхая в глубоком кресле, все перебирал и перебирал в уме своих коллег, оглядывая каждого внутренним взором, словно ощупывая пальцами традиционные четки, к которым приистрастился еще в Афгане. Говорили – нервы успокаивают. Может быть.

Но когда Егор Андреевич встречал древних дервишей, наблюдал за медленным движением потемневших зерен четок между сухими коричневыми пальцами, ему казалось, что это

сама вечность тихо капает в пустоту, и круг этого падения бесконечен, как и вера, может быть, в переселение души, в ее бессмертие...

Его пока не беспокоили. На немой вопрос, обращенный к жене, та тихо ответила, словно боясь спугнуть глубокие думы мужа, что внизу приехали и работают специалисты. Что она объяснила их старшему, как все тут, дома, было, и тот не счел необходимым немедленно начать допрос заместителя министра. Это никуда не уйдет, и всему свое время, тем более что этой стороной дела будет заниматься исключительно Генеральная прокуратура. Вот приедут и займутся.

Да, конечно, приедут, думал Каманин, и станут подробно обо всем расспрашивать. Но о чем? И надо же будет что-то отвечать! Ведь так не бывает, чтобы с бухты-барахты взяли да и взорвали автомобиль! Автомобиль?! И эта новая мысль вдруг высветила ситуацию совсем с иной стороны.

Ведь Володя побежал из машины в тот самый миг, когда... Иначе почему бы он оказался в холле подъезда? Значит, что же, знал? Вот оно! И Каманин вернулся к той, первоначальной своей мысли, когда увидел лежащего Володю с окровавленной головой: лучше бы он умер. Ага, именно то самое! И теперь ответ на основной вопрос определенно лежал именно в этой плоскости. Только его требовалось сформулировать.

В принципе по большому счету жизнь Егора Андреевича Каманина складывалась достаточно удачно. Взлет, если так можно выразиться, происходил вовсе не стремительно, однако достаточно твердо и уверенно. И главное, нигде не случалось пока сбоев.

Основу своего будущего он заложил еще в школьные годы собственной комсомольской активностью. Его старания заметили, и после окончания десятого класса ударный комсомольский кадр, не без помощи товарищей из райкома комсомола, организовавших рекомендацию третьего секретаря райкома партии, несмотря на весьма средние баллы, поступил в Московский университет – на философский, естественно. И престижно, поскольку философия все же мать иных наук, и для карьеры дальнейшей совсем не хило – без марксистской философии ни одно начинание не происходило в стране. И следовательно, перспективно.

Конечно, нигде, никому и ничего преподавать Егор не собирался. У него имелись другие планы. Он не без успеха доказал, что тяга к знаниям действительно может горы своротить. И потому, освоившись с философией, поступил параллельно на истфак МГУ, грамотно рассудив, что наша история, то бишь прошлое, как позже сформулирует известный хохмач, штука непредсказуемая и, следовательно, в умных руках способна творить чудеса. Ну, к примеру, помочь защитить кандидатскую диссертацию на материалах сравнительной истории села Горюхина. А там, глядишь, и докторская замаячит, если ты будешь вкрадчиво настойчивым и доброжелательным к своим оппонентам. С философией тут похуже, все-таки что-то знать надо.

Шутки это все, разумеется, однако везде есть огромная доля правды. Егор усвоил и то, что касалось правды, и то, что определяло грамотные подходы к ней.

Совершенно естественно, что выпускник МГУ, сам коренной москвич с историческим и философским образованием, оказался истинной находкой для родного райкома партии, рекомендовавшего в свое время способного юношу в науку. И ведь, кстати, не ошибся. Заматеревший юноша охотно откликнулся на предложение секретаря поработать на пропаганде и агитации с перспективой дальнейшего роста. Здесь имелось в виду то обстоятельство, что Егор к этому времени завершал работу над кандидатской диссертацией и к тому же два года уже состоял в рядах Коммунистической партии. Словом, мог считаться очень перспективным партийным работником.

Инструктор, зам зав сектором, зав сектором, зам зав отделом – он честно и достойно прошел все нижние ступени партийной иерархии. Стал кандидатом исторических наук, поговаривал о докторской. И тут случился неожиданный, но вполне оправданный поворот в биогра-

фии. Горком партии давно приметил растущий кадр и в нужное время рекомендовал молодого человека в Дипломатическую академию. И три года спустя перспективный Каманин убыл на стажировку на Ближний Восток, с которым у него будет связана практически вся дальнейшая деятельность. Видимо учитывая его опыт, руководство МИДа и решало вопрос его назначения советником посла СССР в Афганистане, когда там началась война и ограниченный контингент советских войск осуществлял активную поддержку завоеваний афганской революции.

Надо заметить, что Егор Андреевич Каманин, по собственному убеждению, сам создавал свою судьбу. У него всегда в нужном месте и в нужный момент находились люди, которые могли помочь ему. Как говорится в известной присказке, вы мне дырочку помогите прогрызть, а уж сыр воровать я и без вас научусь. Мышка-норушка, одним словом. И в райкоме партии у него находились доброжелательные советники, и в городском комитете, и в Министерстве иностранных дел, куда он возвратился после завершения афганских событий. Он не делал вид, что постоянно управляет ситуацией, но так получалось, что в очередной ключевой момент он оказывался именно там, где на него немедленно обращали внимание. Это ведь большое умение!

И еще один немаловажный фактор. Большинство власть имущих четко знает, откуда и когда начался стремительный рост благосостояния многих окружающих ныне светлейший трон. Не был беден и Егор Андреевич, хотя старался никогда и ни при каких условиях не афишировать своего, скажем так, достатка. Источником которого, надо понимать, и явилась афганская эпопея.

Как уже замечено, Каманин умел подбирать себе не только покровителей, но и помощников. Одним из них был молодой – на четыре года моложе – и весьма деятельный заместитель заведующего консульским отделом посольства в Кабуле Марат Багиров. Консульский отдел – это ведь не только визы там и прочее, это обширные связи, это почти невероятные и неконтролируемые возможности. Именно в Афгане вспоминался не раз старый анекдот времен какого-то очередного египетско-израильского конфликта.

По Синайской пустыне мчится арабский танк Т-34, за ним несется еврейский «шерман». Наконец оба останавливаются. Еврей высовывается из башни и кричит арабу: «Почему не стреляешь?» Араб отвечает: «Снаряды кончились!» Еврей снова кричит: «А ты у меня купи!»

Нет, не о том речь, что афганская оппозиция воевала с законным правительством проданным им советским оружием, там и американцы через Пакистан куда как старались. Но никуда не денешься от того факта, что на продаже оружия, медикаментов, на скупке золота и транспортировке в Советский Союз наркотиков делались поистине состояния.

Марат Багиров отличался повышенной предприимчивостью, как, впрочем, большинство рожденных на Кавказе. Каманин заметил старательного тридцатичетырехлетнего дипломата и включил его в список нужных себе людей. А ближе к концу освободительной, как писали мы, и позорной, как писали на Западе, афганской кампании Каманин, не без помощи Багирова, познакомился с одним из молодых противников Бабрака Кармаля, человеком, пользующимся большим авторитетом среди оппозиции, которую привычнее было называть мятежниками, этническим таджиком Рахматуло Назри-ханом. Политический расклад в государстве, как убедился скоро Каманин, интересовал Рахматуло гораздо в меньшей степени, нежели забота о своем экономическом благосостоянии. А под его контролем, как выяснилось, находилось производство опиума и героина в ряде северных провинций Афганистана, что и стало в дальнейшем основным предметом заинтересованного обсуждения и последующего довольно тесного сотрудничества.

Исход советских войск из Афгана нисколько не нарушил установившихся связей, разве что осложнил отдельные элементы контактов и транспортировки. А вот последовавший затем поразительно стремительный развал державы – этот да, едва не нанес непоправимого ущерба. Каждая бывшая республика, обретя самостоятельность, немедленно окунулась в омут соб-

ственной междуусобной войны, закрылись каналы, национальные амбиции вступили в конфликт с целесообразностью – как понимал ее Егор Андреевич, шагнувший на очередную ступень своей карьеры. И уже требовалось определенное время и немалые, в том числе его собственные, дипломатические усилия для того, чтобы восстановить, как говорится, почти утраченное статус-кво.

И сегодня заместитель министра иностранных дел Каманин курировал Управление Юго-Восточной Азии, в котором начальником отдела Ближнего Востока успешно трудился Марат Джафарович Багиров.

Опытные бильярдисты считают, что ни один толковый удар не пропадает даром. Каманин любил эту игру и, переводя смысл выражения на житейский язык, был уверен, что однажды созданная система, если она создана действительно грамотно, несмотря ни на какие сбои временного характера, все равно докажет свою состоятельность. Что в конце концов и произошло. Егор Андреевич знал, чем занимаются двое других братьев Марата Багирова, ценил их опыт, но предпочитал не общаться. Этим занимался сам Марат. Каманин же считал себя головой. Его идеи, его связи, его авторитет – разве этого так мало? Но если все оно действительно так, тогда почему возникли у Марата непонятные личные амбиции? Почему в его глазах все чаще читал Каманин какое-то скрытое недовольство? Вот, видимо, оно в чем дело!

А еще твердо знал Егор Андреевич, что по нынешним временам самое удобное решение любого конфликта – это ликвидация его первопричины. В физическом смысле. Ну что ж, кажется, теперь все и в самом деле становится на место.

Впрочем, вполне возможно, что даже и не Марат является конфликтующей стороной, а его братья, один из которых, бывший генерал азербайджанской милиции, был тесно связан с Али Гамидовым и после прихода к власти Алиева был просто вынужден бежать из родного Азербайджана в Россию, где занялся предпринимательством, и полностью, как уверял Марат, отошел и от политики, и от правоохранительных служб. Младший же брат, тоже московский предприниматель, контролировал Москворецкий и Лефортовский рынки, будучи директором одного из них.

Из своего опыта Каманин знал, что у людей, прошедших определенную школу, связи со своими «конторами» никогда не прерываются. И поэтому «предпринимательство» братьев Марата его абсолютно не волновало. Органы, торговля, контрабанда, оружие, наркота – это все было тесно увязано в единый узел, называемый торговой мафией, термин, может, и не совсем точный, но зато определяющий подлинное существо дела. Он не возражал против включения Маратом своих родственников в сам процесс наркобизнеса, который с каждым годом приобретал в России все больший размах и соответственно финансовую основу. Но – пятьдесят на пятьдесят, разве это неправильно? А если у Багировых объявятся новые родственники? Что же, заместителю министра брать на себя и их обеспечение? Нонсенс!

Марат, конечно, намекал, что, мол, неплохо бы пересмотреть некоторые старые договоренности, однако Каманин не видел в этом смысла, о чем честно и говорил давнему своему партнеру. Младшему партнеру! Ведь не сам в конечном счете Егор Андреевич принимал некоторые особо важные решения. А их своевременное принятие требовало больших средств. Иногда даже очень больших. Но этого не желал понимать Марат. Так, во всяком случае, ложилась карта...

Сперва Егор Андреевич подумал было, что с ним решил свести счеты кто-нибудь из верхних, кто вдруг, скажем, захотел бы попросту вывести из большой игры важное, но в отработанной системе, может быть, уже и не такое необходимое звено. Аппетит, известно, приходит иной раз уже во время еды. Когда перед тобой неожиданно открываются доселе скрытые в тумане перспективы. Прав был великий Маркс, утверждавший, что за триста процентов прибыли капитал пойдет на любые преступления. А тут за тысячу переваливает! Естественна и реакция...

Тщательный анализ заставил Каманина пройти весь путь предположений сверху вниз и остановиться на единственно реальном: заказ поступил, скорее всего, от Багировых. Причем, судя по всему, это было не покушение на убийство, а суровое предупреждение. То есть ему как бы давался последний шанс изменить свою точку зрения на процесс распределения средств.

Единственное, что пока не поддавалось логике – это поведение шофера Володи. Либо он был в курсе и даже, возможно, задействован в данной операции, либо спасся исключительно благодаря случаю. Но если брать за основу первое предположение, тогда откуда кровь? А если второе, то почему не звонил, почему не ждал в машине, почему вдруг выскочил и кинулся в подъезд? Словом, опять сплошные «почему». И нет на них четкого ответа. А Егор Андреевич ненавидел это состояние неопределенности.

И опять же, если заказ сделан Багировыми, то что ж они, полные идиоты? Не понимают, что следствие по такому громкому происшествию может выйти именно на них? Или же это покушение произведено кем-то совершенно иным, но с расчетом, что следствие в результате выйдет именно на Багировых? Но тогда возникает еще одна, совершенно новая сила! Черт возьми, никакой ясности... А самое печальное в том, что не призовешь ведь сюда Марата, не выложишь ему начистоту все, о чем думаешь. Да он никогда и не сознается, этот хитрый азербайджанец.

Значит, что же остается? Поразительная вещь! Жертва должна меньше всего желать тщательного расследования и всячески уводить следователей в сторону, как можно дальше от истинного положения вещей. Черт знает что, но ведь придется...

Да, кстати, на Смоленской известно об этом инциденте, а Марат, до которого, естественно, уже давно дошли сведения, пока так и не позвонил, не поинтересовался, хотя бы для виду, для проформы, как себя чувствует его шеф! Или и это молчание тоже входит в правила придуманной братьями Багировыми игры?

– Юрочка, – вошла взволнованная жена, она по-домашнему называла Егора только так, – там к тебе явились двое следователей. Ты как, готов их принять? Или тебе плохо и надо отлежаться?

– Я приму. Через минутку-другую. На, заberi это полотенце. Неудобно все-таки, будто баба расклеился.

– Но может быть, ты...

– Никаких «но»! Приготовь нам по чашечке кофе. А мне дай-ка еще свою таблетку. Ты знаешь, кажется, действует. Руки, во всяком случае, ощущаю...

А про себя решил, что таблетку выпьет при них, при этих следователях, пусть видят, как ему плохо, и не лезут с назойливыми расспросами.

Вошли двое: оба рослые, но один – покрупнее и немного постарше. Он представился начальником Московского уголовного розыска генералом Грязновым, второй – старшим следователем по особо важным делам Турецким. Эти фамилии Каманин уже слышал, и, кажется, не раз.

Вообще-то получилось не очень хорошо. Требуя от руководителей силовых служб немедленной защиты, Егор Андреевич был уверен, что они по привычке пришлют кого-нибудь попроще, из тех, кому спервоначала все ясно-понятно, кто особо и копать не станет, а вот щеки надувать от важности момента не преминут. С такими и говорить полегче. Безопаснее, во всяком случае. А с этими деятелями придется держать ухо востро, их на мякине не проведешь... К тому же именно Турецкий постоянно расследует – и небезуспешно – самые, пожалуй, громкие уголовные дела, это тоже известно.

Несколько напряженную ситуацию знакомства разрядила Елена Сергеевна, пришедшая с кофе. Причем Каманин заметил, что этот факт посетителями был воспринят с удовольствием.

Наконец расселись вокруг журнального столика, сделали по глотку. Грязнов доложил заместителю министра, что по решению Генерального прокурора и указанию его заместителя по следствию Меркулова создана оперативно-следственная группа, которую поручено возглавить Александру Борисовичу Турецкому, – жест в его сторону. В работе ее будет принимать самое деятельное участие и начальник МУРа – кивок Каманину. Грязнов замолчал и посмотрел на Турецкого, как бы передавая ему слово.

Александр Борисович одним глотком опорожнил свою чашку, поставил ее на блюдце, отодвинул и внимательно посмотрел на Каманина. Егору Андреевичу вдруг почудилась в этом нарочито пронизательном взгляде какая-то непонятная, скрытая ирония. С чего бы это? Его чуть было в жар не бросило. Да, вы, ребята, народ непростой, нет! И опять все смешалось в голове: о чем они станут спрашивать, понятно, непонятно другое – что им отвечать...

– Прошу прощения, Егор Андреевич, за, возможно, не самый умный вопрос, – начал Турецкий. – Вы никого не подозреваете?

– Я-а?! – Каманин сделал большие глаза.

«Чересчур большие», – отметил Турецкий. У него ж голова болит, только что продемонстрировал это с помощью проглоченной таблетки, как ее, ну, Костя же давал, а? Темпалгин!

– Почему вы решили, что мне может быть известен преступник? – Каманин не скрывал своего изумления.

– Извините за грубость, но обычно я знаю, кто и почему хочет дать мне по морде, – Турецкий хмыкнул, извиняясь жестом. – Но это, естественно, обо мне. Я многим, вероятно, крепко насолил, значит, есть за что. А вы? Какие могут быть проблемы подобного порядка у заместителя министра, – Турецкий возвысил указательный палец к потолку, – иностранных дел?! Не понимаю.

– Может быть, какие-то служебные сложности? – тактично поправил коллегу Грязнов.

– Вячеслав Иванович! – почти возмутился Турецкий. – Ну какой, извини, ишак станет подсиживать, к примеру, своего начальника таким варварским способом? Ты что, не в курсе, как это нынче делается?

– Вот раз ты заговорил, Александр Борисович, об «нынче», то тебе лучше других должно быть известно, каким образом чаще всего и решаются сегодня неразрешимые споры, – возразил Грязнов.

«Они что же, спектакль тут передо мной разыгрывают? – напрягся Каманин. – Дурака, что ли, валяют? С какой стати?!»

Он уже хотел было оборвать «спорщиков», указав им на полную неуместность их поведения, но почему-то так же быстро и передумал. Пусть поупражняются. Сам спрашиваю, сам и отвечаю! Во всяком случае, есть возможность проследить за ходом их мыслей.

– Но ты говоришь, Вячеслав Иванович, о совершенно определенной среде! – продолжал настаивать Турецкий. – А к ней, извини, я даже и в плохом сне не решился бы отнести Егора Андреевича!

– Да, это аргумент, Александр Борисович, – важно согласился генерал Грязнов, тоже отодвигая от себя пустую чашку. – Это – аргумент, ничего не скажешь. Однако... а?

– А что у нас с водителем? – снова повернулся к Каманину Турецкий.

– Не понял, в каком смысле? Он же ранен, кажется, даже без сознания. Он находится в реанимации. Поэтому я ничего не знаю, а спросить, извините, пока не у кого.

– Нет, я не в плане его состояния, это мы уже знаем. Там наши товарищи позаботились, чтобы с ним ничего нечаянно не случилось.

– А что может еще случиться? – забеспокоился Каманин.

– Разное, – уклончиво ответил Грязнов.

Он переглянулся с Турецким, и следователь пояснил:

– Понимаете, Егор Андреевич, если ваш Рожков является одним из соучастников преступления, но, скажем, при этом просто пострадавший по собственной неосторожности, то обязательно найдутся люди, которые захотят на этом деле поставить точку. Иными словами, не дать ему возможности открыть рот. Замочить, проще говоря. А если у него нет компаньонов, а взрыв – это его собственная инициатива? Обида, к примеру за что-нибудь? Сами сказали ему что-нибудь не то или не так? Что вы думаете на этот счет? Он давно у вас? В смысле – с вами?

– Обидеть Володю?.. – задумчиво протянул Каманин. – Нет, не готов ответить на этот вопрос. Знаете, в жизни ведь всякое бывает. Нервы там, то, иное, бывает, и повысишь голос. И не от зла или желания оскорбить, обидеть, а просто по дурной инерции... Да, а Володя, между прочим, служил в Афгане. Ветеран, так сказать. Тут есть своеобразный, если хотите, налет... Они очень непростые люди, эти бывшие «афганцы». Уж кому и знать-то, как не мне!

– Да, мы в курсе, – закивали Грязнов с Турецким. – А что, вы с ним и там были знакомы?

– Нет, познакомились гораздо позже. Здесь уже. Четвертый год пошел. Я даже обрадовался, когда узнал, что он служил в десантуре. Участвовал в Панджшерской операции... хотя вам это наверняка ничего не говорит. А ведь это как особая проба на драгметалле. Не думаю, что здесь может крыться основная причина. Хотя, быть может, ваши соображения и не лишены какой-то логики.

– А не основная? – спросил Турецкий.

– Простите, не понял.

– Вы сказали, что основная причина быть здесь не может. А не главная? Ну, такая, которая могла бы, скажем, спровоцировать подобные действия? Косвенная, например?

– Нет, по-моему, вы просто усложняете.

– Я согласен с вами, Егор Андреевич, истина чаще всего бывает на поверхности, просто мы не сразу ее видим. Или считаем, что столкнулись с явлением невероятной сложности, когда на самом деле оно и яйца выеденного не стоит.

– По-моему, вас качнуло в противоположную сторону, нет? – с легкой иронией спросил Каманин.

– Качели, ничего не поделаешь, – покивал согласно Турецкий. – А где ваша машина вообще-то обретается? Вам известно, в каком гараже? Обреталась, извините.

– В нашем, мидовском. Это здесь неподалеку, под эстакадой Калининского моста, я все по старой памяти, он же как-то иначе теперь называется?

– Возможно, не интересовался. А кто берет машину? Осматривает ее перед выездом? Там как, имеется хоть какой-нибудь контроль, вы не в курсе?

– Знаете, честно, не приходилось интересоваться ни разу. Это все лежало на Володе. И он был в этом отношении скрупулезен. Всегда чист, заправлен под завязку, аккуратен, точен.

– Точность – это ведь и ваше коронное качество?

– Вы уже слышали? – довольно улыбнулся Каманин. – Да, дипломатам так положено. До мелочей.

– Но вот ведь что получается – не уследил?.. Ну хорошо, а теперь постарайтесь вспомнить всю последовательность ваших сегодняшних действий. Вы проснулись, умылись, позавтракали – это опускаем. А дальше?

Не видя в вопросе никакой для себя опасности, Каманин тем не менее осторожно и неторопливо стал вспоминать, точнее, делать вид, будто он вспоминает, хотя картина сегодняшнего утра уже прокрутилась перед его глазами едва ли не с десятков раз.

Сыщики слушали его, но, как казалось, без видимого интереса. А когда рассказ дошел до телефонной трубки и связанным с ней обычаем, известным водителю и его хозяину, вот тут сыщики задвигались. Каманин живо объяснил, что во всем случайная вина внучки, которая уже созналась, а сейчас она в школе, так что придется поверить на слово. Дальнейшее же его

повествование подтверждали показания консьержки Шишковой. Никаких существенных расхождений. Разве что в эмоциях.

Оставался еще Володя, но допрашивать его пока не разрешали врачи. Травма оказалась серьезной: куском расщепленной деревянной двери его ударило по затылку. Рана была обширной, но не смертельной. В настоящий момент он находился в реанимации. Он, конечно, мог бы поведать, что произошло и почему он опрометью вдруг кинулся из машины. Будто чего-то смертельно испугался. И это – «афганец»?

У Александра Борисовича, конечно, уже наклеивалась своя версия, но делиться ею с Каманиным он не собирался. Да и фактуры, честно говоря, было пока все-таки маловато. Но кое-что, как говорится, наклюнулось.

А в общем, думал Турецкий, чем дольше господин Каманин «не понимал и не догадывался» о причинах происшествия, тем больше причин было подозревать его в неискренности. Однако прямо так, что называется, в лоб сказать ему об этом было бы абсолютно неправильно. Во-первых, не поймет, а значит, с ним немедленно нарушится установившийся контакт, а во-вторых, сам же и начнет всячески тормозить следствие.

Турецкий невзначай переглянулся с Грязновым и почувствовал, что Вячеслав, кажется, подумал о том же, что и он. Поэтому можно прекращать беседу. Истинных показаний от этого хитромудрого замминистра все равно не добиться. Эти дипломаты, как деликатесные копченые угри – хрен найдешь, а если и увидишь, так хрен купишь, не по карману...

Но и уходя, оставлять поле боя за этим самым деятелем Турецкий тоже не собирался. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять элементарную истину: высший государственный чиновник, прошедший Афган, не может не иметь за собой «хвоста». Это все лишь разговоры о кристальной честности. Одни разборки ветеранов-«афганцев» чего стоят! Вот где-то в этой области и лежит, по всей вероятности, загадка неудавшегося или вообще несостоявшегося покушения.

Именно поэтому, уже стоя в дверях, Турецкий с особой присущей ему доверительностью, которая, впрочем, сильно действовала в основном на женщин, намекнул как бы Егору Андреевичу, что в любом случае факт покушения говорит о многом. Он словно предлагает к рассмотрению следующий план. Если это предупреждение, то надо немедленно предпринимать встречные шаги. Защищаться, элементарно говоря. Потому что в следующий раз ни предупреждения, ни ошибки не будет. Вот отчего ему, Егору Андреевичу, очень стоит еще раз хорошенько подумать, ибо «непонимание» совсем не в его интересах.

Турецкий заметил, как невольно дрогнуло лицо Каманина, и подумал, что, кажется, попал в самую точку.

И еще одно он понял, но это когда Славка уже на улице сказал, что крючок был заброшен довольно ловко, – это он так иносказательно как бы похвалил Александра. Так вот, понял Турецкий, что дело это наверняка очень грязное и необычайно сквалыжное. Но не стал говорить об этом Грязнову, чтобы заранее не расстраивать друга.

Словом, ничего здесь не ожидается хорошего, сплошные неприятности. Как будто своих не хватало...

Оставшись наедине с самим собой, Каманин понял со всей очевидностью, что в первоначальном своем предположении оказался, к сожалению, прав. Этих мужиков провести будет чрезвычайно трудно. Но и собственная дилемма казалась практически неразрешимой. Скажешь правду – можешь ставить крест на карьере, да и на всем прошлом и настоящем.

«Непонимание», как многозначительно заметил, уходя, этот ехидный следователь, может определенно подвести к трагическому финалу. И он, увы, недалек от истины. И этот вариант тоже хотелось бы исключить для себя. Значит, что же остается? Какой ответ он должен будет дать следствию – ведь не останут же?!

А ответ его будет, как в добром старом анекдоте про армейского старшину, уклончивым. Дипломатичным. Мол, идите, господа, идите и ищите сами, может, нароете. Иными словами, послать их подальше, ведь не осмелятся же брать за горло. Да к тому же и позвонить есть кому, чтобы не мешали работать.

А пока надо взять себя в руки, сделать вид, что ничего не случилось, и попробовать еще раз договориться с этим сукиным сыном Багировым. Объяснить, что, если корабль пойдет ко дну, спасенных не будет. Может, это заставит братцев маленько охолонуться? В любом случае попробовать надо.

Глава третья «САДЫ ПАДИШАХА»

Это было незадолго до описываемых событий.

Комсомолка кормила павлинов.

Красивые, но мерзко крикливые птицы распускали чудные веера своих хвостов, усыпанные изумрудами и сапфирами, и надменно поглядывали на Теймура Джафар-оглы, наблюдавшего за их кормежкой. Важные дураки! Вовсе и не они притягивали жадный взгляд пятидесятилетнего отставного генерала.

Там, в Баку, где он по известным причинам вынужден отсутствовать уже более пяти лет, на его собственной, тоже теперь бывшей, даче в Бильгя, на морском побережье, раскинулся такой же ухоженный сад с пышными кустами гранатов и персиковыми деревьями, и между ними по дорожкам, усыпанным золотистым песком, а вокруг, казалось бы, небогатого внешне, двухэтажного дома, выложенного еще и разноцветной керамической плиткой, расхаживали такие же вот самодовольные красавцы, которые презирали всех, кроме самих себя. Ну как и люди, вкусившие шальной достаток...

Да... было... И это тоже было.

И совсем не за глупыми птицами наблюдал Теймур Джафарович, а за комсомолкой. Впрочем, это слово давно было пора уже брать в кавычки. Как и все его прошлое, включая и генеральские звезды на погонах. Хотя с другой стороны... Он уже и позабыл, до каких лет тогда держали в комсомоле... Кажется, чуть ли не до двадцати девяти? Или умная молодежь раньше перетекала в партийные ряды? Он-то не был неумным. Тем более когда твой старший брат в самом МИДе, в Москве работает? Карьера заранее расписана, о чем тут думать!

А этой комсомолке, или медсестре Зое, как представил ее вчера вечером Рахмон, наверняка что-нибудь двадцать с небольшим. Ну конечно, самый нежный возраст.

Ужин вчера накрыли ввиду отсутствия почтенного гостя Рахматулло Назри-хана из Кабула не во Дворце приемов, а прямо в коттедже для высоких же гостей, где остановился Теймур Джафарович как лицо сугубо частное, но тем не менее весьма важное. И присутствовали на этом ужине всего трое – он сам, Рахмон, офицер из Министерства внутренних дел Таджикистана, и его шеф, заместитель министра Шухрат Разыков.

Однако последний пробыл недолго, выказал привычное гостеприимство и отбыл, оставив Рахмона, молодого и услужливого парня, выполнять желания господина Теймура Джафар-оглы Багирова, прилетевшего по весьма важным делам из самой Москвы. Впрочем, о чем говорить, если в ответственном деле, ради которого и прибыл в Душанбе Теймур, и он сам, и встречавший его Шухрат – промежуточные инстанции, не более. Скорее исполнительные, нежели решающие. Вот Назри-хан, который появится только завтра, или старший брат Теймура – Марат, который здесь не появится, но будет контролировать проблему в Москве, и чьим посланником, собственно, и является Теймур, – они и есть главные, хотя тоже выглядят исполнителями в руках еще более важных и видных персон. И вовсе не ради «прекрасных» глаз бывшего милицейского генерала поселили его в недавней еще резиденции ЦК Компартии Таджикистана, в райском саду размером в добрые двадцать гектаров, с дворцами и фонтанами, выложенными мраморными плитами арыками и бассейнами, за высокими мраморными же стенами, окружающими эту центральную часть оживленного города. Может быть, это была своеобразная демонстрация того, что вопросы, ради обсуждения которых собрались дорогие гости, имеют поистине государственное значение? Хотя и очень серьезная, но и скользкая это проблема. Скажем, у близких соседей, да хоть и в той же Турции, наркоторговля наказывается

смертной казнью. Так зачем же эпатировать общественное мнение! Зачем вызывать гнев международных организаций? Зачем сознательно причислять себя к изгоям мирового общества? Есть большая политика, есть огромный исламский мир, не лишенный и собственных внутренних противоречий, есть, в конце концов, экономика – как супер-держав, так и слабых в хозяйственном отношении стран. Где-нибудь в Европе или Штатах героиновая доза – символ распада личности, а здесь, в глубинах Азии, она же единственная возможность выжить самому и прокормить худо-бедно свою нищую семью. Все относительно...

И вовсе не эти проблемы нравственности или совести собирались завтра обсудить те, на чьи плечи легла ответственная задача обеспечить транзитный путь чистейшего афганского героина от изготовителя до его потребителя, а исключительно деловые вопросы, и первый из них: как обеспечить полную безопасность наркоцепочки. Это было тем более важно, что, несмотря на все заверения заинтересованных чиновников среднего и высшего звеньев государственных структур Таджикистана в том, что наркопотокам их усилиями будут созданы условия максимального благоприятствования, практика показывала противоположное. Относительно недавно созданное в республике Агентство по контролю за наркотиками словно удила закусило. И по некоторым слухам, его действия если не направляет, то, во всяком случае, курирует сам президент. А его авторитет после окончания гражданской войны в республике и примирения сторон, происшедшего, кстати, как полагает население, исключительно благодаря его же усилиям, постоянно растет. Что опять-таки значительно усложняет процесс транспортировки наркотиков через республику. Хотя имеется и обратная сторона медали. Ведь ни для кого не секрет, что таджикская оппозиция воевала, в сущности, на «наркотические» деньги, как, впрочем, и афганские талибы. И хотя формально примирение в стране состоялось, старая оппозиция по-прежнему связана с наркобизнесом. Словом, тут есть о чем всерьез говорить...

Однако все это завтра, завтра...

Сегодня же навалившаяся жара, не характерная для этого, уже осеннего времени года, никак не располагала к длительным и ответственным размышлениям. Эти павлины... эти приятные соблазны, до которых только руку протяни!..

Теймур вспомнил, как вчера, завершая ужин, он не то чтобы пожаловался, но просто заметил, как бы между прочим, что в своей Москве уже стал отвыкать от жаркого климата. Вот и сердчишко что-то стало пошаливать, щемит маленько и не всегда, как говорится, к месту. Рахмон – парень догадливый – посочувствовал, сказал, что в таких ситуациях на российское «авось» лучше не полагаться. А здесь, между прочим, есть вполне достойный медицинский штат. Целая команда наблюдает за здоровьем нечастых, надо правду сказать, гостей. Может, и в самом деле давление померить?

Ну отчего ж нет? Убедиться лишний раз в своем здоровье разве плохо?

Теймур распрощался с Рахмоном, и тот почтительно удалился, пообещав позаботиться о медицинской помощи. Вот тогда и появилась эта самая Зоя. В явно тесном ей и коротеньком хрустящем белом халатике и темных кружевных чулках. Остальной одежды, как быстро сообразил Теймур, на ней не было. Зоя, видимо, заранее знала, в какой помощи нуждается московский гость, но событий не торопила, и потому начала прилаживать на руке бывшего генерала допотопный аппарат для измерения кровяного давления. Но не в нем была прелесть воспоминаний о прошлом, о спецполиклиниках и прочем, а в том, как она это проделывала. Теймур был почти уверен, что, судя по ее хватке, она в медицине понимает ровным счетом столько же, сколько и он, старавшийся никогда не иметь с эскулапами дел. Зато она умеет многое другое и ждет только сигнала к действию. Он и сам решил не тянуть, а поэтому залез крупной своей волосатой кистью под ее хрустящий халатик. И убедился в своей догадке, тем более что и халатик этот странным образом держался на девушке с помощью всего двух пуговичек, которые даже искать не потребовалось – он сам распахнулся. И через короткое время великолепно сложенная медработница, подобно амазонке с развевающимся за спиной белоснежным плащом,

сжимая его бока затянутыми в скрипящие шелка сильными ногами, мчалась галопом в хорошо известном им обоим направлении. Когда же она в изнеможении и хрипло дыша валилась на спину, взлетал в седло он и, вцепившись руками в длинную черную гриву, продолжал бурную скачку, а губы его впивались в ее полные губы и с сумасшедшей жадностью высасывали из них целительные силы...

Он изумлялся: давно уже не ощущал в себе такой неутолимой жажды! А в одну из сладких минут, когда сердце продолжало бешено колотиться, хотя тело отдыхало, вдруг рассмеялся. Вспомнил случайную реплику Рахмона по поводу местных обычаев, которые, по его словам, были целиком основаны на замечательном опыте прошлого и по сути ничего нового собой не представляли. Молодой человек шутливо заметил, что эти сады падишаха существовали и при советской власти, и эти же фонтаны били, и арыки журчали таинственно в мраморных своих ложах, и комсомолки на деревьях сидели – все давно было, ничего необычного под вечной луной.

Теймур засмеялся и спросил, почему именно комсомолки. На что Рахмон – а разговаривали оба по-русски, правда, у таджика был сильный акцент, но так ведь всегда случается, когда беседуют бывшие представители бывших же союзных республик, в которых общим языком, как ни крути, являлся русский, – да, так вот Рахмон напомнил стихи Пушкина, которого изучал давно, еще в младших школьных классах. Ну, про чудеса напомнил: где дуб стоит зеленый, черный кот ходит, комсомолка на ветвях сидит!

– Русалка? – обрадованно захохотал Теймур.

– Ну да, она. А какая разница?!

Верно, думал теперь Теймур, улыбаясь своим сытым мыслям, именно такие вот комсомолки-русалки и должны скрашивать нелегкую жизнь мужчинам, которые заняты не просто серьезным, но и очень опасным делом. Хорошая такая комсомолка... Совсем опытная девочка. А утром, проснувшись уже в одиночестве и ощущая лишь тонкий аромат приятных духов ушедшей русалки, он подумал, что все-таки умеют, хвала Аллаху, жить на Востоке. Неторопливо, без навязчивого сервиса, но со вкусом и поразительной мерой – как ее каждый для себя понимает.

Потом он вышел в сад и увидел павлинов. И Зою, которая хотя и говорила по-русски, но очень плохо. Впрочем, и того, что она знала, было более чем достаточно. Тут ведь слова ни к чему.

Зоя сыпала павлинам зерна и кокетливо отворачивалась от страстного взгляда Теймура. Она была в очень короткой узорчатой юбочке и таком же узорчатом топике, плотно облегавшем пышную грудь. Зоя легко наклонялась, приседала, поднималась, отчего юбочка игриво задиралась, с европейской откровенностью демонстрируя крупные бедра восхитительной восточной женщины. Странно, почему вчера не сумел до конца оценить эту зрелую красоту! Ах, ну да, вчера же была на первом месте медицина! Вчера он лекарство принимал...

Оценив наконец его пристальный интерес, Зоя отмахнулась от наглых птиц и присела на лавочку рядом с Теймуром. Поинтересовалась, как дорогой гость себя чувствует. Может, еще раз давление проверить? Заодно извинилась, что без врачебного халата, оказывается, ее дежурство уже закончилось. Но она, если надо... Ах, да конечно же надо! Вот только появится Рахмон, они уточнят программу и будут уже из этого исходить. Хотя, с другой стороны, какая еще программа, если Назри-хан прибудет только завтра!

Однако фривольным планам московского гостя сбыться сию же минуту не удалось. До него долетел издалека достаточно привычный звук милицейской сирены. Потом в дальнем конце аллеи он увидел уходящие в стороны створки высоких ворот, а в проеме мраморных стен появился большой черный автомобиль, явно принадлежащий какому-нибудь совсем высокому члену правительства. Зоя испуганно вскочила и тут же исчезла между увешанными зреющими плодами деревьями.

Длинный черный автомобиль свернул в сторону, за ним туда же поехали несколько джипов сопровождения.

Теймур вернулся к себе в ожидании Рахмона. И тот скоро появился, сообщив, что планы спешно меняются. Вопреки договоренностям, Назри-хан прибыл на целые сутки раньше. Видимо, у него были на то важные причины. И в этой связи переговоры начнутся немедленно после того, как господин Рахматуло сообщит о своем согласии. Сейчас он немного отдыхает после долгого пути, после чего совершит обязательный ритуал омовения – тахарат, а затем полуденный намаз – саят аз-зухр. Таким образом, совещание, скорее всего, состоится между саят аз-зухр и саят аль-аср, молитвой второй половины дня.

«Жаль, что девочка убежала, красивая такая комсомолка, – с легкой иронией подумал Теймур Джафар-оглы Багиров, вовсе не считавший себя ортодоксальным мусульманином, для которого общение с Аллахом и восхваление его величия и доброты являлось постоянным и обязательным многоразовым ежедневным ритуалом. – Пока этот старик будет молить Бога ниспослать благодать и помочь в земных делах движению „Талибан“, в коем сам Назри-хан занимает одно из главенствующих положений, вполне можно было бы совершить парочку дальних заездов на этой превосходной кобылке Зое...»

Все-таки, продолжал думать он, в советском воспитании с его законопослушным атеизмом было немало плюсов, поскольку человеческая жизнь поистине коротка и, если придерживаться всех предписаний ислама, совсем не останется времени для реальных дел. А именно об этих делах, ради которых он и очутился в райском саду посреди шумного, но ленивого Душанбе, размышлял теперь отставной генерал и бывший заместитель министра, а ныне известный предприниматель из столицы России. Помимо страстных и сладких объятий роскошной Зои, разумеется. Ах, какая жаркая комсомолка...

Однако сейчас даже намек на эту тему в беседе с молодым Рахмоном был бы абсолютно неуместен. Хотя этот все понимающий юноша, судя по его интонациям и выражению лица, с изрядной долей скепсиса относился к обычаям предков. Но тем не менее, уважая их, а точнее, выказывая уважение, ты ставишь себя в равное со своими собеседниками и партнерами положение...

Затем был легкий завтрак, который московский гость разделил вместе с Рахмоном. Тот как бы невзначай поинтересовался, хорошо ли прошла ночь, и удовлетворился благодарным кивком. Меню было совершенно европейское, сообразно вкусам Теймура. А уж поздний обед, которым завершатся переговоры, будет состоять исключительно из национальных блюд. Такое желание изъяснил господин Рахматуло. И в соответствующем обрамлении. Тут Рахмон лукаво подмигнул, вероятно намекая на восточный антураж – музыка, ласковые гурии вполне комсомольского возраста и прочие сюрпризы гостеприимных хозяев. Восток – одно слово.

Назри-хан, вопреки предположению Теймура, оказался совсем не стариком, напротив, он выглядел ровесником московского азербайджанца, хотя национальная афганская одежда и традиционный войлочный головной убор старили его, делали его жилистую высокую фигуру и иссеченное морщинами лицо, короче, весь облик каким-то тусклым, ординарным. Но темные, пронзительные глаза смотрели молодо, и в них светилась ирония.

Разговаривал с хозяевами Теймур, естественно, на русском. Но Рахматуло заговорил на фарси, и Теймур, который владел им практически в совершенстве, немедленно откликнулся, чем вызвал явное расположение именитого талиба.

А сама беседа, как и следовало ожидать, началась несколько издалека и, естественно, с политики. Третью сторону представлял Шухрат Разыков в качестве одного из руководителей Министерства внутренних дел. Теймур был несколько озадачен. Ему казалось, что хозяева должны были быть представлены более высоким уровнем, ну хотя бы самим министром или кем-то из высших госчиновников. Но он вспомнил, что государственный уровень в этой

республике определяется не занимаемой человеком должностью, хотя отчасти и этим, а главным образом принадлежностью к кулябскому клану, к которому принадлежит и сам президент. Вероятно, и Назир-хан был в курсе этого. Ну что ж, Шухрат так Шухрат, не спорить же с хозяевами! Им и самим должно быть известно, кто имеет право вести подобные переговоры.

Несмотря на свое восточное происхождение, Теймур Багиров в принципе мог себя считать «восточным человеком» с достаточной долей условности. Ну да, родился в Баку плюс школьные годы. А дальше Омская школа милиции, работа в Москве, стараниями старшего брата – Академия МВД, после чего назначение в родной Азербайджан, уже на руководящий пост, стремительный взлет и практически побег после прихода к власти алиевского клана. Поэтому сам себя он более ощущал приверженцем безалаберно торопливого и многоликого Запада, нежели медлительного, подчиненного древним традициям Востока, со всеми отсюда вытекающими реалиями. Иногда – вплоть до мелочей.

Вот и сейчас он с тщательно скрываемой иронией наблюдал, как высокий гость из Афганистана с выражением глубочайшей мудрости на лице, обрамленном клочковатой с проседью бородой, повествовал достойно и важно о том, что было известно любому человеку, читающему газеты. Ну да, Теймур опять-таки все же имел в виду Европу, а не Азию. И к тому же он заметил, что для Шухрата Разыкова «откровения» талиба, возможно, и в самом деле представлялись таковыми.

А речь шла о том – и именно это подавалось Назри-ханом в качестве особо важной политической новости, в которую посвящены пока весьма немногие, – что в среде российских дипломатов и высокопоставленных военных уже давно зреет желание прекратить дальнейшую помощь антиталибской коалиции во главе с Али Шахом Максуди – помощь продовольствием, военной техникой, оружием и, что особо важно, военными советниками по линии Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны России. Аргумент? Такая помощь просто нерентабельна.

Нынешний министр обороны России, дни которого у власти, по некоторым данным из источников, заслуживающих доверия, сочтены, оправдывает постоянную помощь Максуди, по сути, лишь единственным аргументом: если главные силы антиталибской коалиции, сосредоточенные главным образом на севере Афганистана, в Панджшерском ущелье, будут разгромлены, немедленно начнется экспансия «Талибана» в бывшие советские республики Средней Азии – в Таджикистан, Узбекистан, Киргизию. К сожалению, такой ложной версии в России придерживаются многие ответственные государственные чиновники, включая и самого президента.

А вот Назир-хан, как один из виднейших руководителей движения «Талибан», со всей ответственностью уполномочен заявить, что ничего общего с истинными целями талибов подобные утверждения не имеют. И уж совсем безответственными он назвал бы утверждения отдельных политиков о том, что именно с территории Афганистана распространяется по всему Центрально-Азиатскому региону и всему миру исламский экстремизм и международный терроризм.

Значительное выражение на лицах собеседников высокого гостя подсказывало Назир-хану, что они полностью разделяют его точку зрения. «Ах, эта восточная самоуверенность! – думал между тем Теймур. – Он, вероятно, считает, что если я медленно киваю в такт его фразам, то, значит, я с ним согласен... Вечное заблуждение!»

Но это все – пена. Это – на поверхности. И вовсе не стоило гостю убеждать своего радушного хозяина и представителя самой Москвы в том, что планы талибов распространяются исключительно на установление мира и согласия в стране, где долгие годы полыхает война.

И позиция относительно Али Шаха Максуди тоже не требует особых мозговых усилий. Кость он им в горле, вот в чем все дело. И без российской военной помощи Максуди продержится ну самое большее три-четыре месяца. Ибо без этой помощи талибы с помощью Паки-

стана немедленно раздавят Максуди. И начнется террор. А пока поддержка Али Шаха Максуди является залогом относительной стабильности и в Центральной Азии, и в южных регионах России. И это точка зрения официального МИДа России и Министерства обороны. Ведь не просто послушать политические рассуждения одного из вожаков «Талибана» прилетел сюда бывший генерал милиции, а ныне крупный российский предприниматель. Нет, он был предварительно основательно проконсультирован своим старшим братом, ответственным работником Министерства иностранных дел Российской Федерации, относительно превалирующей в Кремле точки зрения. Да, у нее есть противники, связывающие свои надежды с возможными изменениями и в правительстве, и в силовых министерствах. Но это – дело не такого еще и близкого будущего.

Восточная велеречивость начала надоедать Теймуру, что было немедленно уловлено Назир-ханом. И он тут же ушел от высокой политики к конкретным делам. Разорительные войны полностью разрушили в его стране и без того слабую промышленность, подорвали традиционное сельское хозяйство. Впрочем, приблизительно такое же положение в настоящее время и в соседнем Таджикистане. Гражданская война принесла и Таджикистану разорение и хаос. Закрылись урановые рудники и производства, прекратились разработки золотых и серебряных месторождений, на ладан дышит хлопковая промышленность. Эмигрировало из этой маленькой бывшей советской республики – страшно подумать! – полтора миллиона жителей...

Что же остается людям, чтобы хотя бы выжить? Это очень серьезный вопрос. В Афганистане, к примеру, чтобы не умереть с голоду, люди вынуждены выращивать опийный мак и коноплю, производить героин. И занимаются этим в основном этнические таджики, у которых родственники по эту сторону Пянджа. Транспортировка идет с их помощью. И если бесстрашно посмотреть правде в глаза, то, по мнению Назри-хана, героин – это для гяуров «белая смерть», а для правоверных – единственный способ выживания. Оставленный им шурави...

Стараясь не сильно задевать самолюбие президента Таджикистана, на чьей земле в данный момент и в чьей, по существу, гостевой резиденции находился Назри-хан, он заметил, что в Кулябе, откуда, собственно, происходит и сам господин президент, и весь его клан, как известно, находится аэродром, на котором базируются самолеты Максуди. Да, не секрет также, что это российская 201-я мотострелковая дивизия, которая охраняет вместе с пограничниками границы Таджикистана и базируется здесь, в Душанбе, и привела в конце концов президента Таджикистана к власти, поддержав его своими танками. И эти же военные, которые теперь через этнических таджиков в Афганистане сами закупают наркотики, сами помогают переправить его через пограничную реку Пяндж, после чего в собственных воинских эшелонах или на своей военной авиации доставляют товар в Россию, откуда он растекается по криминальному миру и уходит за границу, в Европу. Причем таможня, как известно, не имеет власти над военными. Вопрос: почему так делается, имеет самый простой и однозначный ответ: прибыль составляет более тысячи процентов. И в немалой степени именно Максуди мешает активному расширению наркобизнеса, хотя его люди неплохо подрабатывают на героиновой торговле. Короче, давайте попробуем совместными усилиями убрать наконец Али Шаха – и поистине золотой дождь прольется на единоверцев-таджиков по обе стороны вечного Пянджа!..

Что для этого нужно? Утвердить общественное мнение Таджикистана и России, естественно, и Киргизии, и Узбекистана в том, что у талибов нет ни желания, ни необходимости осуществлять духовную агрессию на север. Перестать называть «Талибан» источником исламского экстремизма и терроризма. Прекратив военную помощь Максуди, всячески способствовать установлению мира и согласия в Афганистане. Таковы политические задачи.

Ну а экономические будут по-прежнему заключаться в активной помощи населению беднейших государств мира, к которым надо отнести как Афганистан, так и Таджикистан, создать мало-мальски приемлемые условия для существования. К сожалению, на сегодняшний день наркоторговля, как ни горько это понимать, пока единственный способ поддержания жизни...

В принципе именно с этого и следовало бы начинать господину Назир-хану, а не с политических анализов и уверений в чистоте идеалов своего движения. Последнее, кстати, среди цивилизованных народов практически потеряло доверие и вызывает реакцию отторжения, что видно всем, кроме самих талибов и некоторых режимов, поддерживающих это движение. Вот о чем бы думать этим религиозным экстремистам. Это о политике. А экономику с политикой как раз путать не стоит. Тут совершенно другие проблемы и подходы.

Между прочим, заметил Теймур, когда речь зашла о конкретике, снулое и словно бы утомленное длительными «хаджами» лицо Рахматуло Назри-хана оживилось. И все сказанное им прежде обозначилось всего лишь как необходимая ему самому, но необязательная для его собеседников преамбула. Гораздо серьезнее показались Теймуру соображения Назри-хана по поводу маршрутов через Узбекистан, Киргизию и Казахстан. А в идеале оставались, разумеется, идеи использования транспорта Вооруженных сил России, расквартированных пока в Таджикистане. Вот с этого лучше всего и было бы начинать... А что касается позиции, к примеру, того же президента Узбекистана, видящего себя, по разным источникам, главной политической фигурой Центральной Азии, но избегающего любых соглашений, при которых его роль могла бы выглядеть второстепенной, то это совсем другой разговор. И к главному делу он никакого отношения не имеет.

Значит, давайте, не теряя дорогого времени, обсуждать вопросы количества, качества и способов транспортировки. Варианты задействованных сил. Стоимость их оплаты. Способы убеждения и давления. Вот чем должны заниматься деловые люди, а не лезть в ненужную политику.

И еще, ко всему прочему, Теймуру почему-то казалось, что божественная Зоя не дожидается его возвращения и уйдет. Либо ей прикажут переменить клиента. Это было бы чрезвычайно обидно, и поэтому тем более не хотелось терять драгоценного времени...

Первая часть совещания завершилась как раз перед намазом второй половины дня – саяят аль-аср. Но когда Назри-хан предложил собеседникам совершить совместный намаз, Теймур Багиров мягко, однако и непреклонно отказался, объяснив, что приучен совершать святую молитву исключительно в одиночестве. После чего раскланялся с восточной учтивостью и покинул комнату совещаний.

Естественно, никаких молитв Всевышнему он возносить не стал, зато очень внимательно проанализировал беседу и наметил для себя несколько важнейших тем, которые следовало еще обсудить до конца дня, после чего позвал Рахмона Сатарова и попросил того чисто по-дружески пригласить вчерашнюю Зою, чтобы она помассировала плечи и шею: что-то соли в последнее время замучили.

Рахмон понимающе кивнул, и через десяток минут шустрая Зоя, покрасневшая от приятного волнения, сидя уже безо всякой одежды верхом на пояснице Теймура, ловкими и сильными пальцами делала массаж, от которого у московского гостя буквально все пело и стонало внутри...

Какой тут к черту намаз!.. Давно пора отказаться от всяческих условностей. Тебе нужно? Ты собираешься именно таким образом поддерживать собственный имидж? Ну и валяй! А вот диктовать свою волю – это не надо...

И вдруг, в самый приятный момент, когда тело начало в буквальном смысле терять свой вес и словно возноситься в небеса, обожгла мысль, на которую во время разговора обратил внимание, но позже как-то она ускользнула. Чего это он, этот Назри-хан, будто взялся за что-то на президента Узбекистана? Теймур попробовал снова сосредоточиться, восстановить логику талиба и, кажется, понял, в чем тут соль. Ну конечно, эти «афганцы» сильно обеспокоены потеплением отношений между Россией и Узбекистаном. А если Ташкент, ко всему прочему, еще захочет присоединиться к Договору о коллективной безопасности стран Содру-

жества, тогда талибам придется крепко подумать, прежде чем решиться на открытую конфронтацию, поскольку теперь уже действительно возникнут проблемы самой высокой политики.

Нет, все-таки правильно нацеливал его и напутствовал старший брат Марат, провозжая в эту командировку. «Ты, – сказал, – постарайся убедить их, чтобы они не стремились искать политическую подоплеку, хотя они вряд ли откажут себе в таком удовольствии. Не их это дело. Да, сегодня в Азии многое порушено, так вот и пусть они восстанавливают свои старые связи, заводят новые и не забывают, что их неудачи будут им обходиться очень дорого. Время подачек давно закончилось...»

А он, Теймур, и не собирался играть с этими хитрыми ребятами в поддавки. Он видел, что за степенной восточной велеречивостью Назри-хана прежде всего стоит завуалированное желание показать себя и всех своих несчастными и обиженными, а потому рассчитывающими на определенное снисхождение. И в конце концов – на больший процент от сделки. Вот и вся политика. Но задачи Теймура, согласованные со старшим братом и теми, кто стоит над ним, были совершенно конкретны, а потому отступать от них он не собирался. Как и поддаваться гипнотическим чарам этого талиба. По части чар вот эта самая Зоя, которая так резво и искренне старается, вкладывая в свою заботу о нем всю чуткую и горячую душу, с легкостью даст сто очков вперед любому проповеднику ислама. Но это так, к слову, как говорится.

Теймур улыбнулся своим фривольным мыслям и взглянул на часы. Талиб, вероятно, уже завершил свой намаз. Значит, пора возвращаться к делам...

Выходя из апартаментов, Теймур подтянул к себе Зою за подбородок и прямо из губ в губы сказал, что был бы счастлив найти ее вечером здесь же.

– Кажется, я стал уже к тебе привыкать, – страстно вздохнул он, притягивая ее к себе за талию.

– Это хорошо? – полуутвердительно спросила она и улыбнулась.

– Это очень хорошо, – и он снисходительно пошлепал ее по слегка оттопыренным ягодицам. – Бархат! – произнес со значением и отправился продолжать прерванное совещание.

Глава четвертая

СТРАСТИ ПО СКЛИФУ

Наташа Бероева была девушка красивая и прекрасно знала об этом. Поэтому ее совсем не смущали постоянно прикипающие к ее лицу, фигуре жадные мужские взгляды. Это стало привычным, потеряло остроту первого впечатления, и теперь Наташа, уже не стесняясь, сама разглядывала мужчин, обращавших на нее внимание. Все они были одинаковыми, и в их глазах светилась одна и та же мысль, довольно примитивная, кстати. Оно и понятно, когда перед тобой высокая, черноглазая шатенка с умопомрачительными ногами, смело открытыми гораздо выше половины бедер, и тесная кожаная юбочка больше напоминает игривые трусики с кружевными оборками, когда эта явная кокетка вдруг начинает сама в упор рассматривать тебя, а потом фыркает, будто кошка, и равнодушно отворачивается, – словом, когда уже распаленный нескрываемыми мыслями мужчина вдруг видит такую пренебрежительную реакцию в свой адрес, вполне возможен и взрыв. Что такое? Почему?! Но Наташа умела охладить слишком уж настырного таким ледяным взглядом, что тот попросту сникал.

Это умение ей приходилось постоянно применять на своей ежедневной работе. Медсестра в Склифе – работка иной раз не для слабонервных. И не только потому, что в приемное отделение постоянно течет нескончаемый поток увечных, окровавленных, дышащих в буквальном смысле на ладан. Мало того, почему-то каждый, кто появлялся в клинике – а народу здесь толчется немыслимое количество, и не только по медицинским делам, – так вот каждый мужик при виде симпатичной медсестры считает своим долгом намекнуть, что, мол, было бы неплохо, если бы девушка, закончив дежурство... Ну и так далее. В стандартном наборе: ресторан, ужин, а затем непременно койка. Так сказать, вечеринка в одноразовом исполнении. Как это все давно ей надоело!

Найти бы хорошего, порядочного, обеспеченного мужика, устроить наконец свою не шибко путевую жизнь, бывают же такие везения! Но ей, несмотря на все старания, замаскированные под корку ледяного равнодушия к окружающим, не удавалось отыскать для себя что-нибудь поприличнее и понадежнее одноразовых «шприцев». Этих-то всегда хватало...

Вот вчера привезли симпатичного вроде бы парнишечку с головной травмой. Он долго был без сознания, ему сделали целый комплекс вливаний и положили в реанимацию, где он к концу дня пришел в себя. Открыл глаза, и по его взгляду Наташа увидела, что он уже освоился, понял, где находится, может, и вспомнил те обстоятельства, при которых оказался здесь. Во всяком случае, глаза его были осмысленные. Но что интересно, буквально через час с чем-то к палате, где находился этот парень – Рожков его звали, Владимир Сергеевич, – прибыла охрана. Крупный такой омоновец в форме и с пистолетом в открытой кобуре сел на стул перед дверью в палату, как говорят, в предбаннике, и на всех проходящих мимо смотрел, как на преступников. Прямо хоть документы ему предъявляй! Да кто ж их таскать с собой тут станет? Вот Наташа и рассказала ему, этому омоновцу, кто здесь имеет право проходить и находиться, а кто нет. Он, кстати, тоже уставился на Наташины ноги, прикрытые халатом, будто больше ему и думать было не о чем. Ну, мужики! Ну, кобели!

А этот Вова вдруг таким скромником оказался, что Наташа даже сперва и не поверила. Другой бы уж точно, когда она наклонялась над ним, помогая с капельницей или обтирая лицо влажной салфеткой, постарался как-нибудь половчее запустить пятерню свою к ней под юбку – ведь точно, заманчивое дело! Или грудь маленько «проверить», которая ну прямо так и рвется наружу из-за выреза кофточки. А этот – нет. Смотрел на нее внимательно, но думал, видно, о чем-то своем, причем напряженно. У него даже морщинки на молодом лбу собирались строчками. А потом вдруг произнес:

– Меня никто не спрашивал?

Наташа отрицательно покачала головой, подумала и спросила в свою очередь:

– А должны?

– Почему ты так думаешь? – Он слегка нахмурился.

– Сам же говоришь, – Наташа пожала плечами и добавила: – А там, за дверью, твой охранник, да?

– Какой охранник? – словно испугался он.

– Обыкновенный. Вот здесь, – Наташа провела пальцем у себя над левой грудью, – «ОМОН» написано. И с оружием. А ты чего, большой начальник?

– Не-а, – подумав, ответил Володя. – Просто я большого начальника вожу. Шофер я.

– А чего ж тебя тогда так защищают?

– А я знаю? – помрачнел Володя. – А тебя, сестричка, как зовут?

– Наташей.

– Слышь, Наташа, только между нами, да? Если кто-нибудь про меня спросит, ты не говори. А мне скажи сразу, ладно? Чтоб я знал, – он правой рукой, свободной от иглы капельницы, слегка потрогал перебинтованную голову и спросил: – А чего у меня?

– Совсем ничего не помнишь?

– Да так, местами...

– Чего было-то?

– Машину мою взорвали... – неохотно ответил Володя.

– Господи! А ты где был?

– А я вот как раз и вышел... Задело.

– Ну, парень, считай, в рубашке родился. Но ты много не болтай. Сотрясение у тебя, средней тяжести. Скорей всего. Но это тебя обследовать будут. И проникающее ранение задней части свода черепа. Хирург какие-то щепки вынул.

– А-а, понял, это меня деревянной дверьюшибануло. Точно... Давно я здесь, Наташа?

– Вчера утром привезли.

– Ясно... А этот... давно сидит?

– Ну, сразу и сел. Ночью другой был, а сейчас опять он. Стерегут тебя, Вова. Может, ты сбежать хочешь? – Наташа кокетливо поиграла глазами.

– С тобой хоть на край света, – мягко ответил он и закрыл глаза.

И вот же гадство! Так сказал, что у Наташи прямо что-то колыхнулось в груди. И томительно-горячо вдруг стало, до дрожи. А он уже, кажется, спал. Она посмотрела внимательно: глаза были не зажмурены, а закрыты, как у спящего, и дышал ровно и тихо.

В другое время она, может, и не обратила бы внимания на этого парня, а тут поглядела его медицинскую карту и удивилась. «Парнишечка»-то оказался совсем не прост. Во-первых, было ему почти сорок лет, это он выглядел молодо. А во-вторых, успел в жизни повидать всякого. Был даже ранен в Афгане, а ведь это случилось лет пятнадцать назад, если не больше. И теперь про бывших «афганцев» рассказывают всякое – тут тебе и прямой криминал, и что хочешь. А те, которые успели устроиться, живут дай бог всякому. Наташа была девушкой неглупой и все это хорошо знала. И еще у Володи было явное преимущество перед многими другими – он был холост, а значит, при правильном раскладе – перспективен. Во всяком случае, для начала Наташа решила про себя не торопить событий, но и не упускать нечаянной возможности. А беспомощные мужчины, говорят, особо ценят ненавязчивую женскую заботу, что, между прочим, тоже входило в ее служебные обязанности.

О том, что пострадавший Рожков пришел в себя, Наташа, естественно, сообщила врачу. Тот, видимо, уже имел какие-то указания на этот счет, поскольку через короткое время в реанимационном отделении появился рослый и интересный мужчина, который представился стар-

шим следователем Генеральной прокуратуры. Охранник при виде его поднялся, оторвал наконец свою задницу от стула и так и простоял все время, пока следователь находился в палате и беседовал о чем-то с Рожковым. И уже судя по одному этому, был он наверняка очень большим начальником.

Но ведь это кому начальник, а кому... ну да, просто симпатичный мужик, который не позволит себе руки там распускать или скабрзность какую между слов бросить, нет, такой только глянет, а у тебя прямо все опускается. Почувствовала на себе его мимолетный взгляд Наташа и вмиг позабыла о раненом своем пациенте. Да, если бы вот этот пригласил, она б, пожалуй, и не подумала искать причины для отказа. С ним, конечно, и в застолье не заскучаешь, а уж тем более в койке.

Наташа стояла в коридоре, прислонившись пылающим лбом к прохладному стеклу окна, и переживала от сонма мыслей, роившихся в ее голове. Вот он взглянул на нее, и она вмиг почувствовала какой-то совершенно непонятный стыд, будто оказалась полностью раздетой перед ним. Или это уже он сам про себя успел? Ну-у быстрая! А потом увидела его широкие запястья – это у сильных и страстных мужиков, с такими воистину можно куда угодно, да хоть на тот же и край света. Но на безымянном пальце правой руки блеснуло узкое золотое кольцо. Жаль, конечно, такой мужик – и окольцованный. Но с ума сводил его взгляд, прямо жгучий какой-то. Наташа будто носом чужая, что и сама не оставила его равнодушным, а значит, он, закончив свои следовательские дела, наверняка сделает попытку завязать знакомство. И тут уже необходимо было решить: надо ли ей это? Все-таки Наташа считала себя девушкой достаточно практичной. С одной стороны, может наклониться холостой Вова, который недолгими ее стараниями определенно окажется у нее в руках, а с другой – этот журавль в небе. Ах, как к журавлям-то тянет! Но ведь по жизни синица – она надежнее. Когда в руках...

Вот так и размышляла Наташа, полагая, что мысли тех двоих, которые разговаривали в палате, тоже отчасти заняты ею. Хотелось так думать. На самом же деле все происходило с точностью до наоборот...

Турецкий с первого же взгляда оценил все преимущества этой медицинской сестрички перед теми, кого уже успел увидеть здесь, в Склифе, угадал, как ему показалось, и ее готовность пойти навстречу его безмолвному призыву, но все это в настоящий момент его совершенно не волновало. Может, сама по себе сработала привычка как-то по-особому выглядеть перед красивой женщиной, этакое павлинье желание распушить хвост. Но едва он увидел, что девушка, кажется, «поехала», инстинктивное охотничье желание так же быстро испарилось. В настоящий момент Александра Борисовича интересовал лишь человек, который лежал под капельницей и старательно, но не очень умело изображал, как тяжело ему говорить, как его общее состояние не позволяет ему сосредоточиться на вопросах, которые задает следователь. Хотя сами по себе вопросы были пока просты до примитивности, и ответить на них никакого труда не составляло. Но именно эта игра и подсказывала Турецкому, что пострадавший парень пытается уйти от правды, пробует пудрить следователю мозги своим крайним нездоровьем. А вот та сестричка, что в коридоре, на вопрос Александра Борисовича, как чувствует себя Рожков, ответила, ни секунды не задумываясь: вполне. И даже плечиками пожала: мол, зачем задавать вопросы, когда кругом полная ясность? Так он растолковал для себя ее ответ. А этот пробует изобразить, что едва ли не помирает. Вторая ложь – и от второго, участвовавшего в деле человека, – это уж слишком.

Цедя, как говорится, в час по чайной ложке, Рожков медленно рассказывал, часто при этом закрывая глаза и замолкая, о том, как протекал его предыдущий день. Наконец добрался до выезда из гаража.

- Вы машину постоянно осматриваете? – спросил Турецкий.
- А как же!
- Ничего, естественно, не заметили?

– Откуда же?

– Над ямой машину проверяли?

– Зачем?

– Послушайте, Рожков, – сдерживая себя от бесконечных его ответов-вопросов, заметил Турецкий. – Экспертиза утверждает, причем не предполагает, как это иногда бывает, а именно утверждает, что бомба с заранее установленным часовым механизмом на восемь сорок пять могла быть закреплена как в гараже, так и возле дома на Кутузовском. При условии, что вы никуда по дороге не заезжали. Вы утверждаете: не заезжали. Хорошо. В результате получается, что эту бомбу установили под днищем вы сами, а буквально за минуту до взрыва покинули машину, ибо знали все заранее. А вот ваш хозяин мог этого не знать и случайно опоздал. На какую-то минуту. Вам ясно?

– Это что ж, – перестал вдруг «болеть» Рожков, – получается у вас, что я сам себя, что ли?

– Ага, – кивнул Турецкий, поправляя диктофон. Он предупредил Рожкова, что допрос будет вестись с использованием аудиозаписи. Это чтобы тот не подумал, будто следователь пришел просто поговорить и забыть до лучших времен, до полного выздоровления. – А что вас удивляет? Вы ж не специально нанесли себе столь чувствительное ранение. Это – случай. А то бы вообще все обошлось. Кстати, почему вы не позвонили Каманину, как у вас условлено?

– Я звонил, было занято.

– Неправда, уже не было. Мы проверили по времени. Может, вы просто не хотели звонить? Может, вы нарочно тянули время?

– А зачем?

– В принципе этот вопрос должен задать вам я. Но раз спросили, отвечу. Вы не хотели убивать хозяина. Не исключаю, что кто-то вам приказал это сделать, а вы просто не решились. Или передумали в самый последний момент, отчего едва не стали жертвой собственной же акции. Вот такое у нас складывается мнение. Что скажете?

– Чепуха это все.

– Объясните.

– Не знаю я. Ничего не знаю. И говорить не могу, голова кружится. Медсестру позовите, Наташу.

– Медсестру вашу я позову, как только мы закончим, Рожков. Но хочу вас предупредить, что своим явным нежеланием сотрудничать со следствием вы ставите нас в довольно сложное положение. Поясняю. Если взрыв машины – ваша собственная инициатива, мы в конце концов и до этого докопаемся. Да и Каманин поможет. Но если вы не выполнили или выполнили неправильно чье-то задание, то обычно такие вещи практически не прощают заказчики. Исходя из последнего, мы установили возле вашей палаты охрану. Она здесь находится уже сутки. Однако, поскольку вы утверждаете, что ни с кем не связаны, никаких наставлений не выполняли, я думаю, что дальнейшее присутствие здесь вооруженной охраны попросту нецелесообразно. Поэтому даю указание ее снять. В самом деле, чего вам и кого опасаться?

Турецкий взял диктофон и сделал вид, что собирается подняться.

– Погодите, – словно решил Рожков. – Я вам не всю правду сказал...

– Не всю? – удивился Турецкий. – А что, разве вы и правду тоже говорили?

– Про бомбу я в самом деле ничего не знал. А не позвонил наверх потому, что телефон был занят.

– Но я ведь сказал уже вам.

– Да не его – мой телефон! – с раздражением перебил Рожков. – Это мне был звонок. Голос сказал, что под сиденьем бомба, и сейчас взорвется. Я еле успел выскочить, как... сами знаете.

– И чей же это был голос?

– Не знаю, – мрачно ответил Рожков, но ответил слишком быстро, не задумываясь. Значит, врет, знает, но не скажет.

– Интересно, а почему мы должны верить этой вашей версии? – спросил Турецкий, глядя на Рожкова с откровенным недоверием.

– Потому что это правда.

– Не знаю, не знаю... Телефон сгорел вместе с машиной. Проверить, кто вам и откуда звонил, невозможно, так? Голос вы, конечно, узнали, иначе бы не вылетели из машины пулей, а усомнились бы, полезли в худшем случае проверять, так?

Рожков машинально кивнул.

– Не слышу вашего ответа! – строже сказал Турецкий. – Вы не кивайте, а говорите!

– Нет, не так, – возразил Рожков, опомнившись, чем вызвал откровенную насмешливую улыбку Турецкого. – Хотите верьте, хотите нет, но я правду сказал.

– Не всю, гражданин Рожков. Далеко не всю, – вздохнул Турецкий.

Минут тридцать ушло у него на заполнение протокола допроса потерпевшего. Закончив процедуру, Турецкий произнес:

– Ну ладно, отдыхайте. Охрану я снимаю. А вы все-таки подумайте теперь в одиночестве на досуге. Если успеете, – и Турецкий встал.

– Это почему? – вдруг почти со злобой воскликнул Рожков и даже сделал попытку встать, но голова его рухнула на подушку.

– А потому что, я уже вам сказал, человека, не выполнившего задание или выполнившего его плохо, убирают. Эх вы, а еще афганец! Видно, крепенько ваш хозяин сумел кому-то насолить! И вы, Владимир Сергеевич, это хорошо знаете, но молчите. Потому что либо сами вместе с ним по уши увязли, либо просто боитесь за свою шкуру. Но если за вас уже взялись, то теперь обязательно достанут, можете мне поверить. На первый раз припугнули, а второго вы уже не увидите. Не сумеете.

– Мне надо подумать, – сказал Рожков.

– Сейчас хотите думать или потом?

– Я устал, потом.

– Хорошо, надумаете, скажите медсестре, чтобы сразу позвонила вот по этому телефону, – Турецкий положил на тумбочку свою визитную карточку.

– А это... – начал было Рожков и замолчал, пряча взгляд.

– Не понял?

– Охрана посидит еще?

– Если вы просите ее оставить, я оставлю, но вы сами понимаете.

– Я понимаю...

Выйдя в коридор, Турецкий направился напрямик к девушке, застывшей у окна. Приблизившись, строго спросил:

– Вас ведь Наташей зовут, так?

Она кивнула, и лицо ее почему-то вспыхнуло. Смутилась, опустила глаза.

– Где у вас здесь курят, извините? Вы-то курите?

Она опять несколько растерянно кивнула и заговорила:

– Что вы! Здесь нельзя! Мы это делаем на лестнице, на втором этаже, там место специальное.

– Пойдемте, – решительно сказал Турецкий и взял ее под локоть.

Возле мусорной урны, когда закурили, – Турецкий предложил свой «Давыдофф», который не столько курил сам, сколько угощал для престижа, – он, не меняя сурового выражения лица и сухого тона, спросил:

– У вас, Наташа, какой график дежурства?

«Начинается... – подумала она. – Все они одним миром...»

– Мои сутки закончатся сегодня в девять вечера... А что?

– Ага, значит, вы и вчера здесь были?

– Естественно.

– За прошедшее время кто-нибудь справлялся о Рожкове? Звонил там, интересовался здоровьем? Приезжал?

– При мне – нет, никто. А что-нибудь случилось?

– Пока, слава богу, нет... Он там хочет вам что-то сказать... Ну, зайдете. А вот у меня к вам будет настоятельная просьба. Приказать, сами понимаете, не могу. Хотя это примерно одно и то же. Если кто-то появится или заинтересуется им, немедленно позвоните мне. Свой телефон я оставил в палате у Рожкова. И той девушке, которая вас сменил, тоже передайте мою настоятельную просьбу. Понятно?

– Ну вы прямо как генерал! – засмеялась девушка.

– А я и есть генерал, – с усмешкой заметил Турецкий. – Так не забудьте... Что ж я вам еще хотел сказать, Наташа?.. Ах да, – он проницательно посмотрел ей в глаза. – Вы прекрасно выглядите! Молодец! Умница! Всего хорошего.

И, бросив окурок в урну, Турецкий вежливо кивнул и легко сбежал по лестнице в нижний холл.

А вот теперь он мог уже точно сказать, что оставил девушку в большом раздумье. И она непременно позвонит. Даже если в том не случится большой нужды.

«Хорошая девочка», – сказал себе Александр Борисович, вырuling из Грохольского переулка на проспект Мира, чтобы, развернувшись у метро, ехать в центр. Движение было довольно плотным, и все его манипуляции заняли немало времени. А когда он выбрался наконец на Садовое кольцо, его достал звонок мобильного.

– Слушаю, Турецкий, – привычно отозвался он.

– Саня, ты где находишься? – услышал он голос Грязнова.

– Покинул Склиф и в данный момент качу в сторону Самотеки.

– Ныряй срочно под эстакаду и возвращайся! Сейчас туда же прибудет дежурная бригада.

– А что случилось? – И сердце почему-то тревожно заныло.

– Стрельба там, Саня, – не объясняя больше ничего, Грязнов отключился.

«Вот оно!» – мелькнула мысль. А руки автоматически кинули машину вправо, вызвав тревожно-истерические гудки клаксонов позади себя.

Наташа проводила глазами спускавшегося по лестнице следователя. Она не торопилась. Впереди еще почти целый день, успеется. И набегаетесь, и напляшетесь, как говорится. Не обратила она внимания на широкоплечего, бритого наголо парня в белом халате, который курил поблизости, поглядывая на нее. Он видел, как она курила со следователем, но тогда не обращал на нее внимания, а теперь словно прилип. И глаза его были какие-то напряженные, что ли, нехорошие.

Она пошла к лестнице, чтобы возвратиться в свою реанимацию. И тут парень неожиданно легко, почти молниеносно, оказался рядом с ней, крепко ухватил за локоть и зашептал в самое ухо:

– Слушай меня, сука, и молчи... Где Вовка лежит, в какой палате? Ну?!

– А... вы чего? – У Наташи от испуга даже ноги подкосились.

– Молчи, сказал! Охранник где сидит? Снаружи или внутри?

– В пред...баннике.

– Одно слово, откроешь пасть – и задавлю, сука! Веди тихо и спокойно, поняла? И башкой не верти по сторонам. Сделаешь, как говорю, останешься живой, ну!

И Наташа пошла. На онемевших, негнущихся ногах. А бандит – да кто же еще, это было уже понятно! – подталкивал ее в спину. Локоть он отпустил, но девушка чувствовала между лопатками что-то твердое, будто ей в спину упирали чем-то железным.

– Говори, что я с тобой, – шептал ей сзади парень. – Пикнешь – убью!

Она уже ничего не понимала и не слышала. Ноги ее двигались сами по себе, помимо воли, она невольно сжалась, ощущая смерть позади, даже дыхание остановилось. Но толчки били в спину, и она продолжала идти, спотыкаясь и хромая.

А охранник, сидевший в тесной прихожей перед палатой, решил размяться. Ну устал сидеть на одном месте. Он и вышел в коридор. Развел руки в стороны, потянулся всем телом и вдруг увидел странную картину.

По коридору навстречу ему ковыляла миловидная медсестра, на которую он уже обратил внимание: совсем бы и ничего девочка, да больно гордая, много, видно, о себе понимает. Но это так, к слову. А сейчас видок у нее был непонятный – лицо будто мелом облило, и двигалась она как совсем больная. Однако не в ней и дело. За ее спиной будто прятался мужик в белом халате, и было такое впечатление, что это он и управляет ее какими-то кукольными движениями. И охранник вмиг насторожился.

Машинально обернулся: нет ли опасности сзади – и пропустил момент, когда тот, который был сзади медсестры, резким и сильным толчком буквально швырнул ее вперед. И она полетела на охранника, а следом раздались два выстрела – один за другим. Девушка вскрикнула и рухнула с раскинутыми в стороны руками, а лицом ударилась о линолеум пола.

Охранник уже потом стал рассуждать, что и в какой последовательности он сделал. Профессионально отклонившись от летящего на него тела, он выхватил из кобуры пистолет и, валиясь на пол, на левый бок, уже не рассуждая и не думая ни о каких предупредительных выстрелах, положил пулю точно в грудь бандита, который, сделав два первых выстрела, присел и, держа обеими руками пистолет, вел стволом в сторону охранника, неожиданно для него оказавшегося в стороне на полу. Вот этим моментом, пока тот искал свою мишень, и успел воспользоваться охранник.

А в следующее мгновение он уже вскочил, словно большая кошка, и в одном длинном прыжке достал бандита, который все еще валился спиной на пол, отброшенный пулей. И задавил бы собой, но сразу понял, что нужды в том уже не было.

Тогда он кинулся к медсестре, лежащей ничком неподвижно. Приподнял голову, чуть повернул и вдруг увидел расплывающееся на спине, на выглаженном белоснежном халате, кровавое пятно. Пальцы на шею – никакого пульса...

А из глубины коридора уже бежали люди.

Охранник поднялся с колен и громко заявил, указывая на бандита:

– Его не трогать. Я вызываю команду, – и стал неловко доставать из глубокого кармана куртки трубку телефона. Это было трудно, потому что его колотила дрожь, наступила реакция.

Он сделал короткое сообщение и получил приказ все оставить, как есть, ничего не трогать и не двигать. Раненым оказать помощь, мертвых не осматривать. Это сделают следователь и эксперты. Но раненых, увы, не оказалось. Господи, девочку-то за что, за какие грехи?!

Охранник подошел к бандиту. Глаза того, белесые какие-то, неприятные, удивленно уставились в потолок. А рожа – простецкая, неприметная, сто раз увидишь – не запомнишь. Вот только бритая башка определенно указывала на его профессию. И толстая голда на шее, при падении завернувшаяся за ухо. Визитная карточка профессионального брата.

«Начнется теперь расследование, – думал охранник, – по поводу правомерности применения огнестрельного оружия... А что ж я, ждать должен был, пока он всю обойму не опорожнит?..» Впрочем, это его не особенно заботило. Задание, полученное им, было кратким и недвусмысленным: охранять, при особой опасности применять оружие. Он и применил. Сообщить бы пораньше, глядишь, и девочка была бы жива...

Между тем коридор все больше заполнялся народом, главным образом больными с других этажей: всем было безумно интересно знать, что произошло и кто в кого стрелял. Чтобы навести мало-мальский порядок, охраннику пришлось даже немножко применить силу. Не в полную меру, конечно, но ведь не понимают же! Пока уговаривал уйти в свои палаты, пока изображал из себя Кинг-Конга,двигающего тупых обывателей, появились врачи, которые занялись покойниками. А что им оставалось? Констатировать смерть от огнестрельных ранений, больше ничего. Остальное уже не их дело. Но суета вокруг лежащих на полу тел, прикрытых белыми простынями, ничего, видно, сенсационного любителям острых ощущений больше не дала, и народ сам стал редеть, разбредаться.

Охранник заглянул в палату к своему клиенту и удивился: тот сидел на кровати, прижимая рукой шланг с иглой от капельницы, и почти безумными глазами смотрел на дверь.

– Чего вскочил? – очень даже неласково произнес охранник, не испытывая к своему клиенту ни малейшей жалости, ни уважения.

– Там... стреляли...

– Уже, – вздохнул охранник. – Отстрелялись. Два трупа. Поди, за тобой тот-то приходил? – Он качнул головой в сторону двери. – Увидишь еще, тебе наверняка покажут. А сейчас лежи. Не рыпайся без дела.

– Наташу позовите...

– Поздно, – опустил голову охранник. – Убил ее этот твой «приятель».

И Рожков медленно опустился на спину, зажмурил до боли глаза и вдруг жалобно заскулил, словно обиженный щенок. Это было так неожиданно для взрослого мужика, что охранник даже оторопел малость. Но, поглядев мрачно на Рожкова, махнул рукой, как на совсем пропащего, и вышел, захлопнув за собой дверь.

Но и в предбаннике его преследовал тонкий, скулящий вой, от которого хотелось крепко зажать ладонями уши.

Охранник снова выглянул в коридор и увидел наконец в дальнем его конце оперативников, спешащих к нему, а чуть позади крупную фигуру генерала Грязнова...

Потом охранник давал подробные показания примчавшемуся следом за муровцами следователю Турецкому. Причем он заметил, что, задавая вопросы и уточняя детали происшествия, Александр Борисович делал свою работу как бы машинально, механически думая при этом о чем-то другом. К тому же он был хмур и, когда встречался глазами с охранником, смотрел явно недоброжелательно. Может, он думал, что парень допустил серьезный промах? Но ведь генерал Грязнов, присутствовавший при начале допроса, тоже мрачно кивнул и заметил, что все было сделано правильно, а жертва? Увы, иногда, к великому сожалению, без них не обходится. И у охранника малость отлегло тогда от сердца.

Записав показания, Турецкий тут же, прямо в коридоре, провел как бы следственный эксперимент. Сам изобразил бандита, один из оперативников сыграл роль медсестры, а охранник показал, как все происходило.

Тем временем эксперт-криминалист из дежурной оперативно-следственной группы обнаружил наконец вторую пулю, выпущенную из ТТ бандита, после чего всем стало ясно, что бандит не имел своей целью застрелить девушку. Так получилось, что стрелял-то он в охранника, но медсестра, отброшенная им вперед, невольно стала щитом, который и закрыл собой нужную бандиту мишень. А вторая пуля ушла, попросту говоря, «в молоко», в выступ стены в коридоре. И когда определили директрису стрельбы киллера, стало понятно также, что, не оказись охранник, несмотря на грузную свою фигуру, быстрым и ловким, уж вторая-то пуля точно была бы его. И лежать бы ему в этом коридоре рядом с убитой девушкой.

Ну а все дальнейшее представить было несложно: остальные пули немедленно оборвали бы жизнь чудом спасшегося водителя. Это в том случае, если там, на Кутузовском, он действительно уцелел случайно.

И вот еще что обнаружилось любопытное.

Киллер, по всей видимости, был неквалифицированным. То есть не профи, а обыкновенным, судя по его действиям, уголовником, бандитом, «мокрушником». Ну, во-первых, никакой профессионал не отправился бы «на работу» в таком виде, как этот. Голда толстенная на шее, на запястье – золотой браслет, ни тебе традиционной маски, ни иных средств мимикрии. Даже паспорт в кармане на имя Бориса Михайловича Никифорова, проживающего на Госпитальном валу, в Лефортове. Иными словами, если случится облом, нате, берите меня! Из чего следовал и вывод соответствующий: заказ выполнял один из братков, который наверняка уже участвовал в разборках с «мочиловом» и привык палить, не особо рассуждая. То есть опять-таки обычная пехота.

Пистолет, взятый у убийцы, и его документ немедленно отправили в МУР, чтобы проверить и то и другое по картотекам. Грязнов пообещал охраннику замолвить за него словечко – комиссия-то все равно ведь будет еще разбираться и выяснять. Вместо него занял место вызванный сменщик. А вот с несостоявшейся жертвой киллера разговор обещал быть особым. Но Владимир Рожков, потрясенный происшествием гораздо больше, возможно, чем следовало бы, с трудом объявил, что показания кое-какие даст, но только не сейчас, не теперь, что ему надо прийти в себя, вспомнить...

И Турецкий, и Грязнов отлично понимали, что ничего тому вспоминать нет нужды, просто он хотел оттянуть время. Может, на что-то надеялся? Ну так, значит, его надо категорически лишить любой надежды. Что и было сделано, когда прибыл второй охранник.

Они втроем стояли в предбаннике и говорили достаточно громко, чтобы слышал лежащий в палате.

– Я разговаривал с врачом, – сказал Турецкий, – он смотрел показания приборов, которые контролируют состояние этого хрена... Говорит, что, наверное, уже сегодня переведут его в общую палату. Никакого смысла не видят держать в реанимации.

– А я с ним согласен, – подхватил Грязнов. – Только место занимает. Знаешь, Саня, по моему, он очень грамотно всех нас за нос водит. Симулирует, а на самом деле чувствует себя довольно сносно.

– Я тебе скажу так, Славка, – Турецкий понизил голос, но продолжал говорить четко, – он здесь просто отсидивается...

– Отлеживается, – поправил охранник.

– Верно, Коля, – продолжал Турецкий. – Он боится, ребята, вот в чем дело.

– Ну и хрен с ним! – грубо заявил Грязнов. – А почему мы должны из-за этого мудака людьми рисковать? Вон какую девку убили! Я б ему, будь моя воля, сам бы все поотрывал!

– Ладно, не будем перебирать. Скажет он нам, не скажет, в сущности, разницы уже нет. Мы через киллера этого выйдем и на заказчика, убивец-то прокололся, при документе оказался. Но теперь я думаю, и Каманин молчать не захочет и примет, Славка, именно такую версию: мол, подготовил и осуществил взрыв этот самый Рожков. И сделает все, чтобы водила замолчал окончательно. Так, может, и не стоит ему в этом мешать?

– А что, тут есть своя логика, – сказал Грязнов. – Но тогда, Коля, стоит уточнить и твое задание. Гляди, чтобы этот хрен не сбежал отсюда – раз. Второе, и главное, нам теперь важнее не его охранять, а взять живым нового киллера.

– Точно, – вмешался Турецкий, – поэтому, если что с твоим подопечным случится, не бери в голову, уж тебя мы в обиду не дадим. Верно, Слава? А ты – запомни.

– Запомню, – негромко засмеялся охранник Николай.

– Ну вот и порешили, – закончил Турецкий. – Слава, у тебя есть дополнения?

– Я с тобой согласен.

– Тогда пошли?

– Ага. Ну, пока, Коля. Не лезь на рожон... Слушайте, а чего это там за звуки? – Грязнов услышал какое-то странное бульканье и хрипы. – Надо посмотреть!

Они заглянули в палату и увидели, что Рожков пытается встать с кровати – а иглу он выдернул, она болталась на шланге, – и сам больной, видимо от чрезмерного напряжения, тяжело и хрипло дышал, опираясь руками на высоко поднятую кровать.

– Эй, далеко собрался? – спросил Грязнов.

Но тот как заведенный лишь хрипел и пытался сползти на пол.

– Чего это он? – спросил новый охранник. – Сбежать, что ль, хочет? А ну-ка вали, парень, на свое место! – Он сказал это таким тоном, что у Рожкова будто сразу наступило просветление в мозгах. И он покорно лег на кровать и вытянулся.

– А может, он расколется решил? – предположил Турецкий. – Коля, сходите, пожалуйста, за врачом, чтобы этому пациенту снова иглу вставили, куда надо... Ну что, надумал? – резко спросил у Рожкова.

– Скажу... – пробормотал тот.

– Видал, Славка? Во как его прижало-то! Ну давай, я сажусь и заполняю протокол дополнительного допроса потерпевшего. Включаю магнитофон. Только не ври больше, у меня нет ни времени, ни желания слушать твою туфту...

Рожков долго молчал, а потом заговорил вконец измученным голосом. Решил, возможно, что так его будут больше жалеть.

– Мне был звонок...

– Это я уже от вас слышал. И вы утверждали, что не знаете от кого, – снова стал вежливым Турецкий.

– Знаю, – выдохнул Рожков.

– Ну, это уже другое дело, – сказал Грязнов, беря стул и садясь с другой стороны кровати.

Звонок телефона раздался в тот самый момент, когда Володя взял в руки трубку, чтобы набрать номер хозяина, как обычно. Он даже вздрогнул от неожиданности. Егор Андреевич сам в эти минуты никогда не звонил ему. Он просто мог ответить, что задерживается по той или иной причине, и все.

– Кто? – несколько растерянно спросил Рожков и услышал сиплый и низкий голос. Он узнал сразу. Еще и по тому, как этот голос обратился к нему:

– Здорово, Рог...

Так звали Владимира его приятели-десантники еще там, в Афгане, сто, казалось уже, лет назад.

– Привет, – ответил он, оглядываясь. Было ощущение, что человек, которому принадлежал этот страшно знакомый голос, капитан Сиповатый, по прозвищу Сипа, находится где-то рядом, чуть ли не за спиной. – Узнал тебя, Сипа. А как ты нашел меня?

Тот натянуто рассмеялся, словно заскрипел несмазанными своими протезами, – он был однорукий и одноногий, этот крепко пострадавший капитан-десантник.

– Нужда, Рог, вот и отыскал снова. Слушай теперь сюда, земля. Твой козел, которого ты возишь, нам прилично задолжал, сечешь? И пузырится, вместо того чтобы договориться по понятиям...

– Мне-то зачем это говоришь, Сипа? – недружелюбно спросил Рожков, потому что хоть и побаивался немножко этого неукротимого командира своего бывшего, а по-честному, и уважал мало: жестокий всегда был человек и часто несправедливый. Но – комбат, куда от него денешься!

– Затем говорю, Рог, что шкуру твою жалею. Там у тебя на кардане наш небольшой, но громкий привет твоему Егору, сечешь? И если у тебя нет желания оказаться двухсотым, вали бегом, а то не успеешь. Давай, Рог, не тяни, еще созвонимся. И помалкивай в тряпочку.

Дальнейшее уже известно. Рожков выскочил из машины и кинулся в подъезд. Не такой человек был Сипа, чтобы дурные розыгрыши устраивать. И почти ведь успел. Дверь деревянная подвела, щепкой рубанула по кумполу. Но этого уже Володя не видел, отключился.

Еще он утверждал, что после дембеля виделся с Сипой лишь однажды, когда в девяносто четвертом собрались ветераны полка. Хотели отпраздновать десятилетие своей «командировки», а закончилось все элементарной дракой. Стали вспоминать, что да как, всплыли старые обиды, добавилась полнейшая неустроенность одних и барское блядство других, пошел базар, что праведно, а что нет, и понеслась крушить Россия... Так после и не встречались больше.

Одно мог сказать Рожков: Сиповатый-то, в отличие от других многих, со своими протезами и амбициями успел пролезть в фонд ветеранов. Чем он там занимался, никому не говорил, но катался в крутом «мерине» с личным шофером, который таскал за ним его большую кожаную барсетку. И вообще было заметно даже невооруженным глазом, что на хороший бутерброд с икрой у бывшего комбата средств хватает.

Он, как бы между делом, а было это два года назад, позвал Рога к себе, сулил прилично устроить, но Володя не согласился, он уже возил Каманина, поэтому пообещал позвонить, но записанный на визитке телефон бывшего командира потерял. И не жалел об этом.

Все это Рожков и рассказал следователю Турецкому.

Добавил, что если надо, то можно проверить Сиповатого по ветеранским комитетам. Вроде он в Москве был, а может, и нет, возможно, в одном из областных филиалов.

Турецкий с Грязновым переглянулись.

Заманчивой показалась версия. Однако при всем желании доверия к Рожкову она не вызывала. Хотя и кое-что все-таки объясняла.

Получалось так, что заместитель министра иностранных дел был еще в Афгане завязан на каких-то черных делах. Что это могло быть? Оружие? Лекарства? Драгметаллы? Наркотики, наконец? Да любое и все, вместе взятое. Значит, взрыв – это действительно предупреждение. Но в таком случае «колоть» придется заместителя министра – ни себе, как говорится, фига! И кто же тебе такое позволит? Вот то-то...

Или – им обиженных. Которых еще надо найти.

Но это одна сторона вопроса. Потому что пока речь может идти о другой. Если этот самый Сипа предупредил Рожкова, тогда какого черта от него хотят избавиться?

Поставим вопрос иначе: кто от него хотел избавиться?

И тут уже простор для фантазий необычайно широк. Мог пожелать этого тот же Сипа, который и позвонил-то, может быть, чтобы услышать по мобильнику грохот взрыва. А предупреждение – это как бы малое очищение своей грязной и больной совести. Логично? Да.

А мог предпринять свои меры и господин Каманин. Почему бы нет? Исчез Рожков, исчезли и вопросы. Зато полная ясность: водитель сам подготовил взрыв, покушение и сам же стал его жертвой. Тоже логично.

Но, пожалуй, самое нелогичное – это то, что покушение произведено здесь, в Склифе. Просто дешевый какой-то детектив! Среди бела дня. Нагло. С расстрелом совершенно посторонних людей. Нет, это уж точно беспредел. И вряд ли тот же Каманин, даже при большой нужде, рискнул бы сотворить этакое представление. Сипа? А ему зачем светиться до такой степени? Ведь мог же обозленный Рог уже заложить его? Что он, кстати, в принципе и сделал...

– Ну? – спросил Турецкий у Грязнова.

Тот неопределенно пожал плечами.

– Страсти-то какие, а? – Александр Борисович явно не знал, что сказать путное.

– Страсти по Склифу! – многозначительно поднял указательный палец Вячеслав Иванович, объяснив источник своих сомнений. Но и не результат.

Турецкий покивал и добавил:

– Девочку жалко...

Глава пятая

ЗА КРЕПОСТНОЙ СТЕНОЙ

Заведующий отделом Ближнего Востока в Управлении Юго-Восточной Азии Марат Джафарович Багиров в свои пятьдесят два года, в отличие от большинства людей, как говорится, южной крови, выглядел достаточно молодо и бодро.

В его семье вообще все получалось наоборот. Трех братьев разделяли по два года. Так вот младший, Джамал, внешне выглядел едва ли не патриархом. Толстый и грузный, с одутловатым лицом, украшенным тремя жирными подбородками и багровыми складками от лысого затылка до покато́й спины, он мог бы олицетворять собой расхожий тип ленивого восточного владыки, владельца несметных богатств, хозяина грозной стражи, сластолюбца и не к месту жестокого самодура.

Ну, что касается несметных сокровищ, то тут еще как поглядеть, поскольку на самом деле вся его власть распространялась, в сущности, на Москворецкий рынок, где он был директором, и Лефортовский, который контролировал. Это немного, но и очень немало, даже по московским понятиям.

Имел он и соответствующую охрану. И собственный замок имел – краснокирпичный трехэтажный коттедж недалеко от Пушкино. И ездил он обычно в пятисотом «мерседесе» с усиленным корпусом и бронестеклами – не правительственный, конечно, но тоже не хилый, – в сопровождении джипа с охранниками. Однако самой лучшей его защитой пока оставались приятельские и, естественно, коммерческие связи с ореховским авторитетом Михаилом Григорьевичем Назаровым, в миру Боровом. Но тут, правда, как это чаще всего и случается, ситуация была идиотской – с точки зрения закона – и вполне приемлемой – с практической стороны дела.

Этот самый Боров уже три года числился в федеральном розыске по подозрению в убийствах. Не в одном и не в двух, а в нескольких, причем два из них он совершил собственноручно – если судить по показаниям задержанных его подельников, а в трех остальных выступал в качестве заказчика, что также охотно подтверждала переселившаяся в Бутырку парочка ореховских братанов, которым терять было уже нечего, поскольку взяты они были «на горячем». И добавлять себе хлопот в суде, где им наверняка отвели бы роль паровозов, не желали.

Так вот, Михаил Назаров официально находился в бегах. Фактически же проживал в неброском внешне, но вполне достойном внимания коттедже неподалеку от младшего Багирова, в том же Пушкинском районе Подмоскovie. И строго держал в руках свою братву, охотно выполняя поручения Джамала Джафаровича, ибо тот платил щедро и позволял на местном уровне осуществлять полный контроль над вышеупомянутыми рынками. Конечно же не эта деятельность была главной для Борова, но зато она в первую очередь приносила постоянный, хоть и невеликий доход. Невеликий потому, что большую часть приходилось отдавать Багирову-младшему.

Из троих братьев именно Джамал, вероятно, в наибольшей степени обладал практической коммерческой сметкой. Но и вся его деятельность не складывалась бы так удачно, если бы не постоянная помощь среднего брата – Теймура.

Этот, как уже известно, бывший генерал-майор милиции и заместитель министра внутренних дел Азербайджана, уйдя со всех своих постов, тем не менее сохранил ведомственные связи, которые на его высоком уровне практически не прерываются. Это ведь все та же пресловутая советская номенклатура, когда от проштрафившегося деятеля легче всего было избавиться, переведя его на более высокую должность. Вот и у Теймура еще с советских времен остались ведомственные знакомства. И не в том дело, что занимался он теперь исключительно

коммерческой деятельностью, возглавлял достаточно крупную фруктовую фирму, обеспечивающую Россию, но главным образом Москву, замечательными плодами юга, нередко даже и не известными при социализме, а также прочими мелочами, типа свежей зелени и круглогоричных роз и гвоздик, – главное же заключалось в том, что он легко, по старой памяти, выходил на руководство Министерства внутренних дел, где рассматривался как несправедливая жертва бесконечной клановой борьбы в бывшей советской республике Азербайджан. Отсюда и выводы: мы своих не бросаем! А сверху, как известно, гораздо легче идти вниз, нежели наоборот. И Теймур старался не злоупотреблять проверенными контактами, ему не надо было, к примеру, подлавливать на какой-нибудь хитроумный крючок начальника РУБОПа Московской области, его вполне устраивали добрые отношения с его замом. А потому он всегда был в курсе тех операций, которые могли бы нанести вред и его собственным многочисленным торговым точкам в Подмоскovie, и рыночным делам младшего брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.